

Глава государства 27 октября 2022 года принял участие в итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Тема форума в этом году – «Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех». Четырёхдневное заседание собрало 111 экспертов, политиков, дипломатов и экономистов из России и 40 иностранных государств, включая Афганистан, Бразилию, Германию, Египет, Китай, Индию, Индонезию, Иран, Казахстан, США, Турцию, Францию, Узбекистан, ЮАР и другие.

\* \* \*

Ф.Лукиянов: Дорогие друзья, уважаемые гости!

Мы открываем заключительное пленарное заседание XIX ежегодного форума Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Очень рад видеть вас всех в зале и тем более рад я сейчас представить нашего гостя на пленарном заседании – Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Владимир Владимирович, здравствуйте!

Мы Вас каждый год ждём с нетерпением, но в этом году, наверное, нетерпение было ещё более нетерпеливым, чем обычно: очень много есть тем для обсуждения.

В.Путин: Да, я догадываюсь.

Ф.Лукиянов: Сам форум у нас был в основном посвящён теме мироустройства: как он меняется и, самое главное, кто, вообще говоря, сейчас в мире власть – кто управляет, можно ли им управлять в принципе.

Но мы-то обсуждаем как наблюдатели, а Вы всё-таки власть, поэтому поделитесь, пожалуйста, с нами Вашим мнением.

В.Путин: Спасибо большое.

Уважаемые участники пленарного заседания! Дамы и господа! Друзья!

Я немножко познакомился с дискуссиями, которые здесь проходили в предыдущие дни, – очень интересно, содержательно. Надеюсь, вы не пожалели, что приехали в Россию и общаетесь друг с другом.

Рад всех вас видеть.

На площадке Валдайского клуба мы с вами не раз говорили о тех сдвигах – серьёзных, больших сдвигах, которые уже произошли и происходят в мире, о тех рисках, которые связаны с деградацией мировых институтов, с размыванием принципов коллективной безопасности, с подменой международного права так называемыми правилами – хотел сказать, понятно кем придуманными, но, пожалуй, и это неточно – вообще непонятно кем придуманными, на чём основаны эти правила, что внутри этих правил.

Судя по всему, есть только попытка утвердить одно правило, чтобы власти предрержащие – сейчас о власти говорили, я говорю о глобальной власти – имели возможность жить вообще без всяких правил и всё им было позволено, всё бы сходило с рук, чего бы они ни делали. Вот, собственно говоря, эти самые правила, о которых нам постоянно, как в народе говорят, талдычат, то есть постоянно об этом говорят.

Ценность валдайских дискуссий в том, что здесь звучат самые разные оценки и прогнозы. Насколько они были верны, показывает сама жизнь, самый строгий и объективный экзаменатор – жизнь. Вот он и показывает, насколько были верны наши предварительные дискуссии в предыдущие годы.

Увы, события пока продолжают развиваться по негативному сценарию, о котором мы говорили не раз и не два в ходе предыдущих встреч. Более того, они, эти события, переросли в масштабный, системный кризис, и не только в военно-политической, но и в экономической и в гуманитарной сферах.

Так называемый Запад – условно, конечно, там нет никакого единства, – понятно, что это очень сложный конгломерат, тем не менее скажем так, что этот Запад в последние годы и особенно в последние месяцы предпринял целый ряд шагов на обострение. Собственно говоря, они всегда играют на обострение, ничего здесь нового тоже нет. Это разжигание войны на Украине, это провокации вокруг Тайваня, дестабилизация мирового продовольственного и энергетического рынков. Последнее, конечно, было сделано не специально, здесь нет никаких сомнений, а в силу ряда системных ошибок как раз тех западных властей, о которых я уже упоминал. А как мы сейчас видим, плюс к этому – ещё и уничтожение общеевропейских газопроводов. Это вообще запредельная вещь, но тем не менее мы являемся свидетелями этих печальных событий.

Власть над миром – как раз то, что так называемый Запад поставил на кон в своей игре. Но игра эта, безусловно, опасная, кровавая и, я бы сказал, грязная. Она отрицает суверенитет стран и народов, их самобытность и уникальность, не ставит ни во что интересы других государств. Во всяком случае, если прямо не говорится об отрицании, но на практике именно это и

проводится в жизнь. Никто, кроме тех, кто формулирует эти самые правила, о которых я сказал, не имеет права на самобытное развитие: все остальные должны быть «причѐсаны» под эти самые правила.

В этой связи напомним о предложениях России западным партнёрам по укреплению доверия и выстраиванию системы коллективной безопасности. В декабре прошлого года их в очередной раз просто отшвырнули в сторону.

Но в современном мире отсидеться вряд ли получится. Посеявший ветер – как говорится – пожнѐт бурю. Кризис действительно приобрѐл глобальный характер, он затрагивает всех. Тут не надо питать никаких иллюзий.

Перед человечеством сейчас, по сути, два пути: или дальше накапливать груз проблем, который неизбежно всех нас раздавит, или всё же вместе попытаться найти решения, пусть и неидеальные, но работающие, способные сделать наш мир более стабильным и более безопасным.

Вы знаете, я всегда верил и верю в силу здравого смысла. Потому убеждѐн: рано или поздно и новым центрам многополярного мироустройства, и Западу придѐтся начать равноправный разговор об общем для нас будущем, и чем раньше, тем лучше, разумеется. И в этой связи обозначу некоторые крайне важные для всех нас акценты.

Сегодняшние события отодвинули на второй план экологические проблемы – как ни странно, но хотел бы начать именно с этого. Вопросы климатических изменений перестали быть в первых строчках повестки дня. Но эти фундаментальные вызовы никуда не исчезли, никуда не делись, они только нарастают.

Одно из опаснейших последствий нарушения экологического баланса – это сокращение биоразнообразия в природе. И сейчас перехожу к основной теме, ради которой мы все и собрались: разве менее важно другое разнообразие – культурное, социальное, политическое, цивилизационное?

Вместе с тем упрощение, стирание всех и всяких различий стали чуть ли не сущностью современного Запада. Что стоит за таким упрощением? Прежде всего это исчезновение творческого потенциала самого Запада и стремление сдерживать, блокировать свободное развитие других цивилизаций.

Есть здесь и прямой меркантильный, конечно, интерес: навязывая свои ценности, потребительские стереотипы, унифицирование, наши оппоненты – так аккуратненько их назову – пытаются расширить рынки сбыта для своей продукции. Всё очень в конечном итоге на этом треке примитивно. Не случайно Запад утверждает, что именно его культура и мировоззрение должны быть универсальными. Если это прямо и не говорится – хотя и прямо тоже

говорят частенько, – но если прямо не говорят, то именно так себя и ведут и настаивают на том, по сути, по факту жизни, своей политикой настаивают на том, чтобы именно эти ценности были безоговорочно приняты всеми остальными участниками международного общения.

Приведу цитату из знаменитой гарвардской речи Александра Исаевича Солженицына. Ещё в 1978 году он отмечал, что для Запада характерно «длжащееся ослепление превосходства» – это всё и происходит до сих пор, – которое «поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планете следует развиваться и доразвиться до нынешних западных систем...». 1978 год. Ничего не поменялось.

За прошедшие почти полвека это ослепление, о котором говорил Солженицын, – откровенно расистское и неоколониальное по своему характеру – приобрело уже просто уродливые формы, особенно после того, как возник так называемый однополярный мир. Что хочу на это сказать? Уверенность в своей непогрешимости – очень опасное состояние: от неё один шаг до желания самих «непогрешимых» просто уничтожить тех, кто им не нравится. Как они говорят, «отменить» – давайте задумаемся хотя бы в значение этого слова.

Даже в самый разгар «холодной войны», на пике противостояния систем, идеологий и военного соперничества никому даже в голову не приходило отрицать само существование культуры, искусства, науки других народов – своих оппонентов. В голову даже никому не приходило! Да, вводились определённые ограничения на образовательные, научные, культурные и, к сожалению, на спортивные связи. Но тем не менее и у советских, и у американских руководителей того времени хватало понимания, что к гуманитарной сфере нужно относиться деликатно, изучая и уважая соперника, подчас кое-что и заимствуя у него, чтобы сохранить хотя бы на будущее основу для здоровых, плодотворных отношений.

А сейчас что происходит? До сжигания книг в своё время дошли нацисты, а теперь до запретов Достоевского и Чайковского скатились западные «радетели либерализма и прогресса». Так называемая культура отмены, а на самом деле – мы уже об этом много раз говорили – настоящая отмена культуры выкашивает всё живое и творческое, не даёт развиваться свободной мысли ни в одной из областей: ни в экономике, ни в политике, ни в культуре.

Сама либеральная идеология сегодня изменилась до неузнаваемости. Если изначально классический либерализм понимал свободу каждого человека как свободу говорить что хочешь, делать что хочешь, то уже в XX веке либералы стали заявлять о том, что у так называемого открытого общества есть враги – оказывается, у открытого общества есть враги, – и

свобода таких врагов может и должна быть ограничена, а то и отменена. Теперь же и вовсе дошли до абсурда, когда любая альтернативная точка зрения объявляется подрывной пропагандой и угрозой демократии.

Что из России ни исходит – это всё «происки Кремля». Но на себя-то посмотрите! Неужели мы такие всемогущие? Любая критика в адрес наших оппонентов – любая! – воспринимается как «происки Кремля», «рука Кремля». Бред какой-то. До чего скатились-то? Хоть мозгами-то пошевелите, поинтересней что-нибудь изложите, свою точку зрения изложите как-то концептуально. Нельзя же всё сваливать на козни Кремля.

Всё это ещё в XIX веке пророчески предсказал Фёдор Михайлович Достоевский. Один из персонажей его романа «Бесы» – нигилист Шигалёв, так описал выдуманное им светлое будущее: «выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» – к этому, кстати говоря, и пришли наши западные оппоненты. Ему вторит и другое действующее лицо романа – Пётр Верховенский, утверждая, что необходимо повсеместное предательство, доносительство, шпионство, что общество не нуждается в талантах и высших способностях: «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями». Вот к этому и приходят наши западные оппоненты. Что это, как не современная западная культура отмены?

Великие были мыслители, и я благодарен, скажу по-честному, моим помощникам, которые нашли эти цитаты.

Что можно на это сказать? История, безусловно, всё расставит на свои места и отменит не величайшие произведения общепризнанных гениев мировой культуры, а тех, кто сегодня почему-то решил, что вправе этой мировой культурой распоряжаться по своему усмотрению. Самомнение у таких деятелей, что называется, зашкаливает, вот только имён их через несколько лет никто даже и не вспомнит. А Достоевский будет жить, как и Чайковский, Пушкин, – как бы кому этого ни не хотелось.

Именно на унификации, на финансовом и технологическом монополизме, на стирании всех и всяческих различий строилась и западная модель глобализации, неокOLONиальная по своей сути. Задача была понятная – укрепить безоговорочное доминирование Запада в мировой экономике и политике, а для этого поставить себе на службу природные и финансовые ресурсы, интеллектуальные, кадровые и экономические возможности всей планеты, сделать это под соусом так называемой новой глобальной взаимозависимости.

Здесь хотел бы вспомнить ещё одного русского философа – Александра Александровича Зиновьева, столетие со дня рождения которого мы будем отмечать буквально на днях, 29 октября. Ещё более 20 лет назад он говорил,

что для выживания западной цивилизации на достигнутом ею уровне «необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества». Они на это и претендуют, всё так и есть.

Причём в этой системе Запад изначально заложил себе огромную фору, так как сам разрабатывал её принципы и механизмы – как сейчас те самые принципы, о которых постоянно твердят и которые являются непонятной «чёрной дырой»: что это такое – никто не знает. Но как только выгоду из глобализации стали извлекать не западные страны, а другие государства, и прежде всего речь идёт, конечно, о крупных государствах Азии, Запад сразу же поменял или вовсе отменил многие правила. И о так называемых священных принципах свободы торговли, экономической открытости, равноправной конкуренции, даже о праве собственности вдруг сразу забыли, напрочь. Как стало выгодно что-то для себя – так сразу, на ходу, по ходу игры меняют правила.

Или другой пример подмены понятий и смыслов. Западные идеологи и политики много лет говорили и твердили всему миру: демократии нет альтернативы. Правда, речь они вели именно о западной, так называемой либеральной модели демократии. Все остальные варианты и формы народовластия они с презрением и – хочу это подчеркнуть – через губу, высокомерно отвергали. Такая манера сложилась уже давно, ещё с колониальных времён: всех считают людьми второго сорта, а себя – исключительными. Так и продолжается столетиями до сих пор.

Но вот сегодня абсолютное большинство мирового сообщества как раз и требует демократии в международных делах, не принимает любые формы авторитарного диктата отдельных стран или групп государств. Что это, как не прямое применение принципов народовластия на уровне международных отношений?

И какова же позиция «цивилизованного» – в кавычках – Запада? Если вы демократы, то, казалось бы, должны приветствовать такое естественное стремление к свободе миллиардов людей – но нет! Запад называет его подрывом либерального порядка, основанного на правилах, пускает в ход экономические и торговые войны, санкции, бойкоты, цветные революции, готовит и проводит разного рода перевороты.

Один из них привёл к трагическим последствиям на Украине в 2014 году – поддержали же, даже сказали, сколько денег истратили на этот переворот. Вообще, охамели просто, не стесняются ничего. Взяли Сулеймани убили, иранского генерала. Можно было как угодно относиться к Сулеймани, но это официальное лицо другого государства! Убили на территории третьей страны и сказали: да, мы убили. Что это такое вообще? Мы где живём?

Вашингтон по привычке продолжает называть нынешний миропорядок по-американски либеральным, но на самом деле с каждым днём этот пресловутый «порядок» умножает хаос и, добавлю, становится всё более нетерпимым даже по отношению к самим западным странам, к их попыткам проявить любую самостоятельность. Всё подавляется прямо на корню, и вводят ещё санкции против своих собственных союзников – без всякого стеснения! А те со всем соглашаются, низко опуская голову.

Например, июльские предложения венгерских парламентариев закрепить в договоре о Евросоюзе приверженность европейским христианским ценностям и культуре были восприняты даже не как фронда, а как прямая враждебная диверсия. Это что такое? Как это понимать? Да, кому-то это может нравиться, кому-то не нравиться.

У нас в России за тысячу лет сложилась уникальная культура взаимодействия между всеми мировыми религиями. Не надо ничего отменять: ни христианские ценности, ни исламские, ни иудейские ценности. Другие мировые религии у нас присутствуют. Надо просто с уважением относиться друг другу. У нас в целом ряде регионов страны – я просто знаю это не понаслышке – люди ходят вместе, отмечают и христианские праздники, и исламские, и буддийские, и иудейские, и делают это с удовольствием, поздравляя друг друга и радуясь друг за друга.

А здесь нет. Почему нет? Хотя бы пообсуждали бы. Удивительно!

Всё это без преувеличения даже не системный, а доктринальный кризис неолиберальной модели мироустройства по-американски. У них нет идей созидания и позитивного развития, им просто нечего предложить миру, кроме сохранения своего доминирования.

Убеждён, настоящая демократия в многополярном мире прежде всего предполагает возможность любого народа – хочу это подчеркнуть, – любого общества, любой цивилизации выбирать свой собственный путь, собственную социально-политическую систему. Если такое право есть у США, у стран Евросоюза, то оно, безусловно, есть и у стран Азии, у исламских государств, монархий Персидского залива, государств других континентов. Есть оно, конечно, и у нашей страны, у России, и никто никогда не сможет диктовать нашему народу, какое общество и на каких принципах мы должны строить.

Прямая угроза для политической, экономической, идеологической монополии Запада в том, что в мире могут возникнуть альтернативные общественные модели – более эффективные, хочу это подчеркнуть, более эффективные в сегодняшнем дне, яркие, привлекательные, чем те, что есть. Но такие модели обязательно будут развиваться – это неизбежно. Кстати говоря, американские политологи, специалисты, они же пишут об этом прямо. Правда,

их власть ещё не очень-то слушает, хотя не могут не видеть эти идеи, которые высказывают на страницах политологических журналов и в дискуссиях.

Развитие должно идти именно в диалоге цивилизаций, с опорой на духовно-нравственные ценности. Да, у разных цивилизаций разное понимание человека, его природы – оно часто на поверхности только разное, но все признают высшее достоинство и духовную сущность человека. И чрезвычайно важно общее, общий фундамент, на котором мы, безусловно, можем строить и должны строить своё будущее.

Что здесь хочу особо подчеркнуть? Традиционные ценности – это не какой-то фиксированный свод постулатов, которых надлежит придерживаться всем. Конечно же, нет. Их отличие от так называемых неолиберальных ценностей в том, что в каждом случае они неповторимы, потому что вытекают из традиции конкретного общества, его культуры и исторического опыта. Поэтому традиционные ценности нельзя никому навязать – их необходимо просто уважать, бережно относиться к тому, что выбирал веками каждый народ.

Таково наше понимание традиционных ценностей, и этот подход разделяет и принимает большинство человечества. Это закономерно, ведь именно традиционные общества Востока, Латинской Америки, Африки, Евразии составляют основу мировой цивилизации.

Уважение к особенностям народов и цивилизаций – в интересах каждого. На самом деле это в интересах и так называемого Запада. Теряя превосходство, он быстро превращается в меньшинство на мировой арене. И, безусловно, право этого западного меньшинства на собственное культурное своеобразие, безусловно, хочу это подчеркнуть, должно быть обеспечено, относиться нужно к этому, безусловно, с уважением, но, подчеркну, наравне с правами всех остальных.

Если западные элиты полагают, что смогут внедрить в сознание своих людей, своих обществ странноватые, на мой взгляд, новомодные тенденции вроде десятков гендеров и гей-парадов – так тому и быть. Да пускай делают что хотят! Но на что они точно не имеют права, так это требовать от других следовать в том же направлении.

Мы видим, что в западных странах идут сложные демографические, политические, социальные процессы. Безусловно, это их внутреннее дело. Россия в эти вопросы не вмешивается и не собирается этого делать – в отличие от Запада мы в чужой двор не лезем. Но мы рассчитываем, что прагматизм восторжествует и диалог России с подлинным, традиционным Западом, как и с другими равноправными центрами развития, станет важным вкладом в строительство многополярного миропорядка.

Добавлю, что многополярность – это реальный, а по сути, единственный шанс для той же Европы восстановить свою политическую и экономическую субъектность. Что греха таить, мы же все понимаем, и говорят об этом в той же Европе прямо: сегодня эта правосубъектность Европы – как бы сказать помягче, чтобы никого не обидеть, – сильно ограничена.

Мир по своей природе многообразен, и попытки Запада загнать всех под один шаблон объективно обречены, ничего из этого не выйдет.

Самонадеянное стремление к мировому лидерству, а по сути, к диктату или к сохранению лидерства посредством диктата на самом деле оборачивается снижением международного авторитета лидеров западного мира, в том числе Соединённых Штатов, ростом недоверия к их договороспособности в целом. Сегодня одно говорят – завтра другое, документы подписывают – завтра от них отказываются, чего хотят, то и делают. Стабильности нет вообще ни в чём. Как документы подписывают, о чём говорили, на что можно надеяться – совершенно непонятно.

Если раньше с той же Америкой позволяли себе спорить лишь немногие страны, и это выглядело чуть ли не как сенсация, то теперь уже обыденность, когда самые разные государства отказывают Вашингтону в его безосновательных требованиях, несмотря на то что он по-прежнему пытается надавить на всех. Ошибочная политика абсолютно, в никуда просто. Ну пускай, это тоже их выбор.

Убеждён, народы мира не станут закрывать глаза на политику принуждения, которая дискредитировала себя, и всякий раз за попытки сохранить свою гегемонию Западу придётся платить и платить всё большую и большую цену. На месте этих элит Запада серьёзно задумался бы над такой перспективой, так же как над этим задумываются, как я уже говорил, некоторые политологи да и политики в самих Соединённых Штатах.

В нынешних условиях жёсткого конфликта скажу прямо некоторые вещи. Россия, будучи самостоятельной, самобытной цивилизацией, никогда не считала и не считает себя врагом Запада. Американофобия, англофобия, франкофобия, германофобия – это такие же формы расизма, как русофобия и антисемитизм – впрочем, как и любые проявления ксенофобии.

Просто нужно чётко понимать, что есть, как я уже и говорил перед этим, два Запада – как минимум два, а может, и больше, но как минимум два: Запад традиционных, прежде всего христианских, ценностей, свободы, патриотизма, богатейшей культуры, теперь уже и исламских ценностей тоже – значительная часть населения многих стран Запада исповедует ислам. Этот Запад нам в чём-то близок, у нас во многом общие, ещё античные корни даже. Но есть и другой

Запад – агрессивный, космополитический, неоколониальный, выступающий как орудие неолиберальных элит. Именно с диктатом этого Запада Россия, конечно же, никогда не смирится.

В 2000 году, после избрания Президентом, с чем столкнулся, всегда буду об этом помнить – помнить, какую цену мы заплатили за то, чтобы уничтожить террористическое гнездо на Северном Кавказе, которое Запад тогда практически открыто поддерживал. Здесь все взрослые люди, большинство из вас, присутствующих в этом зале, понимают, о чём я говорю. Мы же знаем, что именно так оно и было на практике: финансовая, политическая, информационная поддержка. Все мы это пережили.

Больше того, [Запад] не только активно поддерживал террористов на территории России, но и во многом взрастил эту угрозу. Мы знаем это. И тем не менее после стабилизации ситуации, когда основные банды террористов были разгромлены, в том числе и благодаря мужеству чеченского народа, нами было принято решение не оборачиваться назад, не строить из себя обиженных, идти вперёд, строить отношения даже с теми, кто фактически работал против нас, налаживать и развивать отношения со всеми, кто этого хочет, на базе взаимной выгоды и уважения друг к другу.

Думалось, это в общих интересах. Россия, слава богу, пережила все трудности того времени, выстояла, укрепилась, с внутренне-внешним терроризмом справилась, экономика сохранилась, начала развиваться, обороноспособность начала повышаться. Мы пытались выстроить отношения и с ведущими странами Запада, и с НАТО. Посыл был один: давайте перестанем быть врагами, давайте жить дружно, давайте вести диалог, укреплять доверие, а значит, и мир. Мы были абсолютно искренними, хочу это подчеркнуть, отчётливо понимали всю сложность подобного сближения, но шли на это.

И что же мы получили в ответ? Получили, коротко говоря, по всем основным направлениям возможного сотрудничества «нет». Получили постоянно растущее давление на нас и создание очагов напряжённости у наших границ. А цель, с позволения спросить, этого давления-то какая? Ну какая? Потренироваться так просто, что ли? Конечно же, нет. Цель – сделать Россию более уязвимой. Цель – превратить Россию в инструмент для достижения своих собственных геополитических целей.

Собственно говоря, это универсальное правило: всех стараются превратить в инструмент, для того чтобы использовать эти инструменты для своих целей. А тех, кто не подчиняется этому давлению, не хочет быть таким инструментом, – против них вводятся санкции, против них и в отношении их проводятся всякого рода экономические ограничения, перевороты готовятся или там, где возможно проводить, проводятся и так далее. А в конечном итоге,

если не удаётся вообще ничего сделать, цель одна – уничтожить, смахнуть с политической карты. Но не получилось и не получится никогда в отношении России развернуть и реализовать такой сценарий.

Что хотел бы ещё добавить? Россия не бросает вызов элитам Запада – Россия просто отстаивает своё право на существование и свободное развитие. При этом мы сами не собираемся становиться каким-то новым гегемоном. Россия не предлагает заменить однополярность двухполярностью, трёхполярностью и так далее, доминирование Запада – доминированием Востока, Севера или Юга. Это неизбежно привело бы к новому тупику.

И хочу здесь привести слова великого русского философа Николая Яковлевича Данилевского, который считал, что прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, как нас подталкивают некоторые наши оппоненты, – в таком случае прогресс скоро бы прекратился, говорит Данилевский, – а в том, чтобы «исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». И он добавляет, что ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития.

Убеждён, диктатуре можно противопоставить только свободу развития стран и народов, деградации личности – любовь к человеку как к творцу, примитивному упрощению и запретам – цветущую сложность культур и традиций.

Смысл сегодняшнего исторического момента как раз и состоит в том, что перед всеми цивилизациями, государствами и их интеграционными объединениями действительно открываются возможности для своего, демократического, оригинального пути развития. И прежде всего мы считаем, что новый миропорядок должен основываться на законе и праве, быть свободным, самобытным и справедливым.

Так, более справедливыми и открытыми должны стать мировая экономика и торговля. Россия считает неизбежным процесс формирования новых международных финансовых платформ, в том числе для целей международных расчётов. Такие платформы должны находиться вне национальных юрисдикций, быть безопасными, деполитизированными, автоматизированными и не зависеть от какого-либо единого центра управления. Возможно это сделать или нет? Конечно, да. Потребует немало усилий, объединения усилий многих стран, но сделать это можно.

Это исключит возможность злоупотреблений в сфере новой глобальной финансовой инфраструктуры, позволит эффективно, выгодно и безопасно обходиться при международных сделках без доллара и других так называемых резервных валют. Тем более что, используя доллар как оружие, Соединённые

Штаты да и Запад в целом дискредитировал институт международных финансовых резервов. Сначала их обесценил за счёт инфляции в зоне доллара и евро, а потом и вовсе – цап-царап – прикарманил наши золотовалютные резервы.

Переход к расчётам в национальных валютах будет активно набирать обороты – неизбежно. Это, конечно, зависит от уровня состояния эмитентов этих валют, от состояния их экономик, но они будут укрепляться, и такие расчёты, безусловно, постепенно станут доминировать. Такова логика суверенной экономической и финансовой политики многополярного мира.

Далее. Сегодня новые центры мирового развития уже обладают уникальными технологиями и научными разработками в самых разных областях и по многим направлениям могут успешно конкурировать с западными транснациональными компаниями.

Очевидно, что у нас есть общая, вполне прагматичная заинтересованность в честном и открытом научно-технологическом обмене. Вместе каждый выиграет больше, чем по отдельности. Пользу должно получать большинство, а не отдельные сверхбогатые корпорации.

Как обстоит дело сегодня? Если Запад продаёт другим странам лекарства или семена продовольственных культур, то приказывает убить национальную фармацевтику и селекцию, по сути, на практике всё сводится к этому; поставяет станки и оборудование – губит местное машиностроение. Я, ещё будучи Председателем Правительства, это понял: стоит только рынок открыть для определённой товарной группы – всё, местный производитель «лёт», и уже почти невозможно поднять голову. Выстраивают так отношения. Таким образом происходит захват рынков и ресурсов, страны лишаются своего технологического, научного потенциала. Это не прогресс, а закабаление, сведение экономик до примитивного уровня.

Технологическое развитие должно не усиливать мировое неравенство, а сокращать его. Именно так традиционно реализует свою внешнюю технологическую политику Россия. Например, строя в других государствах атомные электростанции, мы одновременно создаём там центры компетенций, готовим национальные кадры – мы отрасль создаём, мы не строим просто предприятие, а создаём целую отрасль. По сути, даём другим странам возможность совершить реальный прорыв в своём научно-технологическом развитии, сократить неравенство, вывести свою энергетику на новый уровень эффективности и экологичности.

Вновь подчеркну: суверенитет, самобытное развитие ни в коем случае не означают изоляцию, автаркию, а, наоборот, предполагают активное,

взаимовыгодное сотрудничество на справедливых и равноправных принципах.

Если либеральная глобализация – это обезличивание, навязывание всему миру западной модели, то интеграция, напротив, – раскрытие потенциала каждой цивилизации в интересах целого, ради общего выигрыша. Если глобализм – это диктат, к этому всё сводится в конечном итоге, то интеграция – это совместная выработка общих стратегий, выгодных всем.

В этой связи Россия считает важным активнее запускать механизмы создания больших пространств, построенных на взаимодействии стран-соседей, чья экономика, социальная система, ресурсная база, инфраструктура дополняют друг друга. Такие большие пространства, по сути, и есть основа многополярного мироустройства – экономическая основа. Из их диалога и рождается подлинное единство человечества, гораздо более сложное, самобытное и многомерное, чем в упрощённых представлениях некоторых западных идеологов.

Единство человечества не строится по команде «делай как я», «будь как мы». Оно формируется с учётом и на основе мнения всех, с бережным отношением к идентичности каждого общества и народа. Именно на таком принципе может развиваться долгосрочное взаимодействие в многополярном мире.

В этой связи, возможно, стоит подумать и о том, чтобы структура Организации Объединённых Наций, в том числе её Совета Безопасности, в большей степени отражала именно многообразие мировых регионов. Ведь от Азии, Африки, Латинской Америки в мире завтрашнего дня будет зависеть намного больше, чем принято считать сегодня, и такой рост их влияния, безусловно, позитивен.

Напомню, что западная цивилизация не является единственной даже на нашем общем евразийском пространстве. Более того, большинство населения сосредоточено именно на востоке Евразии – там, где возникли очаги древнейших цивилизаций человечества.

Ценность и значение Евразии в том, что этот материк представляет собой самодостаточный комплекс, обладающий гигантскими ресурсами любого рода и огромными возможностями. И чем усерднее мы работаем над повышением связанности Евразии, созданием новых путей, форм сотрудничества, тем более впечатляющих успехов добиваемся.

Успешная деятельность Евразийского экономического союза, быстрый рост авторитета и влияния Шанхайской организации сотрудничества, масштабные инициативы в рамках «Одного пояса, одного пути», планы

многостороннего сотрудничества по реализации транспортного коридора «Север – Юг» и другие, многие другие проекты в этой части мира, уверен, – это начало новой эры, нового этапа в развитии Евразии. Интеграционные проекты здесь не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, конечно, если они осуществляются странами-соседями в собственных интересах, а не внедряются внешними силами, чтобы расколоть евразийское пространство, превратить его в зону блокового противостояния.

Естественной частью Большой Евразии могла бы быть и её западная оконечность – Европа. Но многим её лидерам мешает убежденность, что европейцы лучше других, что им не пристало участвовать в каких-то начинаниях на равных с остальными. За таким высокомерием они как-то и не замечают, что сами стали уже чужой периферией, превратились по сути в вассалов – часто и без права голоса.

Уважаемые коллеги!

Развал Советского Союза разрушил и равновесие геополитических сил. Запад почувствовал себя победителем и провозгласил однополярное мироустройство, в котором только его воля, его культура, его интересы имели право на существование.

Теперь этот исторический период безраздельного доминирования Запада в мировых делах завершается, уходит в прошлое однополярный мир. Мы стоим на историческом рубеже, впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времён окончания Второй мировой войны. Запад не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться. В этом и есть главное противоречие новой эпохи. Говоря словами классика, ситуация в известной степени революционная: верхи не могут, а низы не хотят так уже жить, если говорить словами классика.

Такое положение вещей чревато глобальными конфликтами или целой цепью конфликтов, что представляет собой угрозу для человечества, в том числе и для самого Запада. Конструктивно, созидательно разрешить такое противоречие – вот главная сегодняшняя историческая задача.

Смена вех – процесс болезненный, но естественный и неизбежный. Будущее мировое устройство формируется на наших глазах. И в этом мировом устройстве мы должны выслушать всех, принять во внимание каждую точку зрения, каждый народ, общество, культуру, каждую систему мировоззрений, идей и религиозных представлений, не навязывая никому единой истины, и только на этом основании, понимая свою ответственность за судьбу – судьбу народов, планеты, строить симфонию человеческой цивилизации.

На этом бы и хотел закончить со словами благодарности за то терпение, которое вы проявили, выслушивая моё сообщение.

Спасибо вам большое.

Ф.Лукьянов: Спасибо большое, Владимир Владимирович, за столь всеохватный текст речи.

Не могу спонтанно не уцепиться за Ваш финал, раз уж Вы вспомнили про революционную ситуацию, верхи и низы. Те, кто чуть постарше, всё это в школе учили, естественно. А Вы сами себя с кем больше ассоциируете: с верхами или с низами?

В.Путин: С низами, конечно, я же с низу.

Мама у меня была... Как вы знаете, много раз об этом говорил: семья рабочая. Отец – рабочий, мастером работал в последнее время, техникум закончил; у мамы не было образования, даже среднего, она просто была рабочей – и нянечкой работала в больнице, и кем только ни работала: и дворником работала, и сторожем ночным. Не хотела меня оставлять в детском саду, в яслях.

Поэтому, конечно, я всегда очень тонко чувствую – слава богу, до последнего времени это было и есть, надеюсь, сохранится, – очень тонко чувствую пульс того, чем живёт рядовой человек.

Ф.Лукьянов: То есть на мировом уровне Вы на стороне тех, кто «не хочет»?

В.Путин: На мировом уровне – конечно, это входит в круг моих обязанностей, смотреть, что происходит на мировом уровне, – я за то, о чём только что сказал: за демократические отношения с учётом интересов всех участников международного общения, а не только интересов так называемого золотого миллиарда.

Ф.Лукьянов: Понятно.

Мы с Вами встречались ровно год назад. Тогда атмосфера и обстановка международная были вполне уже напряжённые, но, конечно, когда мы посмотрим на тот октябрь из этого, кажется, что там просто идиллия была. Очень многое изменилось за год, буквально мир перевернулся, как некоторые говорят. Для Вас лично что изменилось за этот год – внутри, в Вашем восприятии мира, страны?

В.Путин: То, что происходило и происходит сейчас, в том числе, скажем, на том же украинском направлении, – это не изменения, которые происходят вот сейчас или после начала специальной военной операции России, нет. Все эти изменения идут в течение многих лет, уже давно, просто на это так или иначе кто-то обращает внимание, а кто-то нет, но это тектонические изменения всего миропорядка.

Знаете, эти тектонические плиты, они же постоянно находятся в движении там где-то, в коре земной, когда, как специалисты говорят, двигаются, двигаются, всё спокойно и тихо, но изменения всё равно происходят. Потом – раз! – зацепились. Энергия накапливается, накапливается, потом сдвинулись – происходит землетрясение. Накопление этой энергии и потом её такой всплеск привели к тем событиям, которые происходят.

Но они происходили и раньше. Ведь в чём суть этих происходящих событий? Возникают новые центры силы. Я всё время об этом говорю да и не только я – разве во мне дело? Они происходят по объективным обстоятельствам. Что-то из прежних центров сил уже увядает. Сейчас даже не хочу говорить, почему это происходит. Но это естественный процесс роста, отмирания, изменений. Нарождаются новые центры силы, в основном в Азии, конечно. Африка впереди ещё. Да, Африка – очень бедный континент пока, но смотрите, потенциал какой колоссальный! Латинская Америка. Всё это будет точно совершенно развиваться. Происходят вот эти тектонические изменения.

Но то, что не мы, а именно Запад довёл до сегодняшней ситуации... Если вопросы будут, я готов ещё раз к этому вернуться, к тому, что происходит на Украине. Мы, что ли, совершили там госпереворот, который привёл к серии трагических событий, включая нашу специальную военную операцию? Нет, не мы же это сделали.

Но не важно, а важно то, что тектонические изменения происходят и будут происходить. Наши действия здесь ни при чём. Да, действительно, происходящие события просто высвечивают более ярко и подталкивают некоторые процессы, которые начинают развиваться, может быть, быстрее, чем это было до сих пор. Но в целом они являются неизбежными, и это происходило бы вне зависимости от того, как действовала бы Россия на украинском направлении.

Ф.Лукьянов: Если про наше государство говорить, Вы что-нибудь новое за год о нём узнали?

В.Путин: Вы знаете, что касается нашего государства... Конечно, у нас есть издержки, и прежде всего это касается потерь, связанных с проведением специальной военной операции, я всё время об этом думаю, есть и

экономические потери. Но есть огромные приобретения, и то, что происходит, без всякого сомнения, в конечном счёте – я хочу это подчеркнуть, – в конечном счёте идёт на пользу России и её будущего.

С чем связано? Это связано с укреплением нашего суверенитета, причём по всем направлениям, и в данном случае прежде всего в экономической сфере. Ведь совсем недавно ещё мы сами с тревогой думали о том, что мы превращаемся в какую-то полуколонию, мы ничего не можем сделать без наших западных партнёров: ни финансовых расчётов не можем произвести, ни технологий у нас не будет, рынков не будет, ни рынков сбыта, ни источников приобретения новейших технологий – ничего нет; стоит им только щёлкнуть, и у нас всё разваливается. Ан нет, ничего не развалилось, и фундаментальные основы существования российской экономики и самой Российской Федерации оказались гораздо более сильными, чем кто-то об этом думал – даже, может быть, мы сами.

Это очищение, это понимание своих возможностей, умение быстро перестроиться в сегодняшней ситуации и объективная необходимость не только ускорить процессы импортозамещения, но и заменить тех, кто уходит с нашего рынка... А оказалось, что по большинству направлений наш бизнес перехватывает всех тех, кто уходит. Они ещё на ухо шепчут: мы ненадолго уходим, мы скоро вернёмся. Ну а как? Продают за один доллар многомиллиардное имущество. Почему? Менеджменту перепродают. Это что такое? Значит, договорённость с менеджментом есть, что вернутся. А как иначе-то? Что, подарки такие двум-трём конкретным физическим лицам, что ли, делают? Нет, конечно. Мы знаем эти настроения.

Поэтому это чрезвычайно важная вещь: мы сами наконец осознали – мы всё время говорим, что мы великая страна, – мы [осознали, что мы] великая страна, мы можем это сделать.

Мы понимаем среднесрочные последствия негативного характера, связанные с закручиванием технологий. Так нам и так закручивали все критически важные технологии! Кокомовские списки вроде отменили, а они реально действовали на протяжении десятилетий. Сейчас обострили, конечно, – ничего, выяснилось, что получается у нас, оказывается.

Ещё одна очень важная составляющая, она носит такой духовный характер, и, может быть, это самое главное. Во-первых, вот этот широкий лозунг – «Своих не бросаем» – на самом деле сидит глубоко в сердце каждого русского и представителя других этнических групп россиян, и готовность бороться за своих людей ведёт к сплочённости общества. В этом всегда была огромная сила нашей страны. Мы её подтвердили и укрепили, и вот это самое главное.

Ф.Лукьянов: А есть что-то за этот год в нашей стране, что Вас по-настоящему разочаровало?

В.Путин: Нет.

Ф.Лукьянов: То есть оргвыводы не нужны? Никаких особых изменений не следует?

В.Путин: Оргвыводы всегда нужны. Если Вы имеете в виду какие-то кадровые решения, это естественный процесс: всё время нужно думать об обновлении по различным направлениям, готовить новые кадры, выводить на новый уровень людей, которые способны работать над задачами более высокого уровня, чем те, над которыми они работали раньше. Конечно, это естественное дело. Но так, чтобы сказать, что кто-то меня в чём-то разочаровал, нужно кого-то разгонять, – такого нет, конечно.

Ф.Лукьянов: Отлично.

Владимир Владимирович, Ваше решение начать специальную военную операцию в феврале было, конечно, большой неожиданностью для всех, в том числе и для большинства граждан России. Вы многократно объясняли логику и причины, мы знаем, но всё-таки это решения такого масштаба, которые, наверное, не делаются без какого-то особого толчка. Что случилось перед этим решением?

В.Путин: Уже много раз говорил, вряд ли сейчас скажу что-то новое в этой аудитории. Ведь что произошло? Я уже не говорю про расширение НАТО за счёт Украины, которое было абсолютно неприемлемым для нас, и все это знали, но просто напрочь игнорировали наши интересы в сфере безопасности. И очередная попытка в конце прошлого года в очередной раз провалилась – нас просто послали подальше, и всё, сказали: ладно, сидите там и... Ладно, не буду говорить лишних слов, но, в общем, проигнорировали. Это первое.

Второе, что важно, – при поддержке своих западных кураторов представители киевского режима публично ведь отказались от выполнения Минских соглашений. Руководитель сказал, что ему не нравится ни один пункт в Минских соглашениях. Публично же сказано! Другие высшие должностные лица прямо заявили, что они не собираются этого делать. Бывший Президент сказал, что он подписывал Минские соглашения, но исходил из того, что они не будут никогда реализованы. Чего ещё больше-то нужно?

Ведь одно дело – когда что-то нужно внедрить в сознание миллионов с помощью средств массовой информации и интернета, а другое дело – реальные дела, реальная политика. Вот это всё, о чём я сейчас сказал, проходит

для миллионов людей незаметно, потому что это топится в информационном поле, но мы-то это знаем.

Вот это всё было сказано наконец. Что это означало для нас? Для нас означало, что мы должны что-то делать с Донбассом. Люди восемь лет под обстрелами живут, которые, кстати, продолжаются до сих пор, но мы должны были что-то для себя решить. А что мы могли решить? Признать их независимость. Но признать их независимость и бросить просто на произвол судьбы – это вообще неприемлемо. Значит, должны были сделать следующий шаг, что мы и сделали, – включить их в состав Российского государства. Они одни не выживут, это очевидный факт.

Но если мы признаём, включаем в состав Российского государства, – по их воле, мы же знаем настроения людей, – а эти самые обстрелы и готовящиеся очередные военные операции со стороны киевского режима продолжаются и неизбежны... Они же провели две крупномасштабные военные операции, которые закончились безуспешно, но они же были. А обстрелы бы, безусловно, продолжались. Дальше мы что должны были делать? Проводить операцию. Чего ждать, пока они начнут? И мы знаем о том, что они готовятся. Конечно, это просто неизбежная логика событий.

И эта логика была сформирована не нами. В 2014 году зачем надо было проводить на Украине госпереворот? Янукович фактически отказался от власти, согласился провести выборы досрочно. Ясно было, что шансов – Виктор Фёдорович на меня не обидится, – у него было мало шансов, если они вообще были. И зачем надо было в этих условиях проводить кровавый антигосударственный, антиконституционный переворот? Ответа нет. Но может быть только один ответ – показать, кто в доме хозяин: всем сидеть – извините меня, перед дамами прошу извинения, – всем сидеть на попе ровно и не кричать, будет так, как мы скажем. По-другому я просто не могу объяснить эти действия.

Совершили госпереворот – люди не захотели это признавать ни в Крыму, ни в Донбассе, и всё пришло к сегодняшним трагическим событиям. Но что мешало тому же так называемому Западу реализовать договорённости, которые были достигнуты в Минске?

Мне лично говорили: в тех условиях и ты бы всё подписал, если бы был в таких условиях. Но, послушайте меня, они же подписали! Подписали и настаивали на том, чтобы руководители двух тогда непризнанных республик Донбасса поставили свои подписи. Потом взяли одного из них убили вообще – Захарченко.

Все эти действия и привели к сегодняшним трагическим событиям, вот и всё.

Ф.Лукиянов: А нет у Вас ощущения, которое, честно говоря, есть в обществе, что противника недооценили?

В.Путин: Нет. Вы знаете, в чём дело? Дело в том, что мы видели, что происходит.

Восемь лет создавали укрепрайон на достаточно большую глубину в Донбассе, и, конечно, лезть туда, постоянно нести потери безосновательно и бессмысленно – это первое. Второе – мы прекрасно понимали и отдавали себе отчёт в том, что этот процесс будет продолжаться, и чем дальше, тем было бы для нас хуже, труднее, опаснее, и мы несли бы больше потерь. Вот какими соображениями мы руководствовались. Натовское освоение территории полным ходом шло – и сейчас идёт, и тогда шло. Эти укрепрайоны были бы не только по сегодняшней линии соприкосновения в Донбассе – везде были бы. Вот и всё.

То, что сейчас мы видим, когда с юга и с севера наши войска «обжимают» Донбасс, – это одно. А в условиях, когда бы ещё несколько лет создавали там укрепрайоны по всей стране, проводили обучение и накапливали бы там системы вооружений, которых никогда не было, у многих и сейчас нет, была бы абсолютно другая ситуация для России, даже с точки зрения проведения этой специальной военной операции.

Ф.Лукиянов: Вы неоднократно говорили и писали в программной статье, что мы один народ. Вы не изменили эту точку зрения за год?

В.Путин: Нет, конечно. А как можно это изменить? Это исторический факт.

В IX веке на наших территориях зарождалась российская государственность – сначала в Новгороде, потом в Киеве, потом всё это вместе росло. Это единый народ. Говорили на одном языке – на древнерусском, и изменения в языке начали возникать, по-моему, только в XIV или в XV веке под влиянием Польши, потому что западные части Российского государства оказались в разных странах. Вот отсюда изменения пошли.

Конечно, я уже об этом говорил, с развитием того или иного этноса возникают разные процессы. Если какая-то часть этого единого этноса в какой-то момент решила, что они достигли такого уровня, что они считают себя отдельным народом, относиться к этому можно только с уважением, конечно.

Но этот процесс происходил не сам по себе. Он происходил, во-первых, как я уже сказал, потому что часть древнерусских западных земель оказалась в составе других государств по целому ряду причин.

Эти государства стали продвигать там свои интересы. Те части, которые попали в Польшу, там происходило явное ополячивание и так далее. Язык начал меняться. Я уже говорил об этом, когда Украина присоединялась к России, писали письма-то в Варшаву и в Москву. В архиве же лежат документы. Там написано: мы, русские православные люди, обращаемся к Вам с тем-то, с тем-то. В Москву обращались с просьбой принять в состав России, в Польшу обращались с требованием соблюдать интересы и их православные традиции. Но писали: мы, русские православные люди. Это же не я сказал. Это та часть народа, которую мы сейчас называем украинцами.

Да, дальше всё начало происходить по своим законам. Возникла огромная Российская империя. Европейские страны пытались и отчасти создали такой барьер между собой и Российской империей, известный принцип ещё с античных времен: разделяй и властвуй. Вот и начались попытки раздела единого русского народа. В XIX веке это начало происходить, приобретало всё бóльший и бóльший размах и поддерживалось прежде всего с Запада. Конечно, в части населения это культивировалось, кому-то это начало нравится и по особенностям своей, и исторической, и языковой.

Конечно, это начали использовать, именно с этой целью – разделяй и властвуй. Ничего здесь такого необычного нет, но достигли определённых целей, безусловно. А потом это выродилось вообще в сотрудничество с Гитлером во время Второй мировой войны, когда украинских коллаборационистов использовали для проведения акций по уничтожению и русских, и поляков, и евреев, и белорусов. Это же хорошо известно, это исторический факт: каратели поручали самые грязные, кровавые дела прежде всего бандеровцам. Всё это часть нашей истории. Но то, что в основе своей русские и украинцы, по сути, это один народ, – здесь это исторический факт.

Ф.Лукиянов: У нас же тогда гражданская война получается с частью собственного народа.

В.Путин: Отчасти да. Но мы оказались в разных государствах, к сожалению, в силу целого ряда причин, и прежде всего потому что, создавая Советский Союз после крушения империи, как я уже писал в своих статьях и говорил неоднократно, большевистское руководство того времени приняло решения, дабы ублажить националистически настроенную часть большевиков, которые были родом с Украины, наделить их исконно русскими историческими территориями, не спрашивая население, которое проживало на этих территориях. Передали туда всю Малороссию, всё Причерноморье, весь

Донбасс, причём Донбасс сначала решили отдать в Россию, потом приехала делегация с Украины, пришли к Владимиру Ильичу Ленину, он вызвал представителя Донбасса и сказал, что надо перерешать. Вот перерешали – отдали назад, в Украину.

В этом смысле Украина, конечно, складывалась как искусственное государство. Тем более что после Второй мировой войны – это же тоже исторический факт – Сталин взял и передал в Украину ряд польских территорий, ряд венгерских, ряд румынских, отобрав у этих стран их территории. Он полякам, которые не участвовали в гитлеровской коалиции, отдал часть восточных немецких земель. Это же хорошо известно всё, это же исторические факты. Таким образом сложилась сегодняшняя Украина.

Честно говоря, я вот просто сейчас вот о чём подумал: откровенно говоря, единственным настоящим, таким серьёзным гарантом украинской государственности, суверенитета и территориальной целостности могла бы быть только Россия, которая и создала сегодняшнюю Украину.

Ф.Лукиянов: Про гарантов говорили, я помню, весной, потом всё это куда-то ушло.

Вопрос, наверное, риторический, учитывая, что идут боевые действия, там много всего, но и Вы, и официальные российские лица неоднократно говорили, что специальная операция идёт по плану. Всё-таки, какой план, честно говоря, общество не очень понимает. В чём план?

В.Путин: Вы понимаете, мы изначально ведь, я изначально говорил, прямо в день начала операции: самое главное у нас – это помощь Донбассу. Я уже упоминал об этом, и если бы мы действовали иначе, мы не смогли бы там с двух сторон вокруг Донбасса разместить наши Вооружённые Силы – это первое.

Второе. Луганская Народная Республика освобождена полностью. Идут военные мероприятия, связанные с самой Донецкой Республикой, и, конечно, когда наши войска подошли и с юга, и с севера, и стало очевидным, что люди, проживающие на этих исторических новороссийских территориях, видят своё будущее вместе с Россией. Как мы могли на это не откликнуться?

Поэтому произошли и те события, свидетелями которых мы все являемся. Они возникли в ходе, как логическое продолжение ситуации, которая сложилась на данный момент времени. Но план был и цель одна – помощь людям, которые проживают на Донбассе. Из этого мы исходим. А что конкретно там, что планирует Генеральный штаб, я знаю, конечно, что, но, мне кажется, что это не тот случай, когда нужно в деталях об этом разговаривать.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Дорогие друзья, я удовлетворил своё первичное любопытство, монополизируя всё. Теперь, пожалуйста, желающие могут задать вопросы.

Давайте начнём. Иван Сафранчук.

И.Сафранчук: Иван Сафранчук, МГИМО.

Вы сказали, что нам предстоит очень важное десятилетие в развитии мира и нашей страны. Но создаётся такое впечатление, что есть некоторая дверь в это десятилетие.

Вот у меня как раз вопрос об этой двери.

В последнее время многократно возрос накал ядерной риторики. Украина от просто безответственных заявлений перешла к практической подготовке ядерной провокации, представители Соединённых Штатов и Британии делают заявления, в которых звучат нотки о допустимости применения ядерного оружия.

Байден, скажем, говорит о ядерном Армагеддоне, и тут же в Америке идут комментарии в том духе, что, мол, не страшно. И при этом Соединённые Штаты в ускоренном порядке размещают в Европе модернизированные тактические ядерные бомбы. Получается что-то вроде того, что ядерным оружием бряцают, а уроки Карибского кризиса признавать отказываются.

Вот поясните, пожалуйста, Владимир Владимирович: мир действительно находится на пороге возможности применения ядерного оружия? И как в этих условиях будет себя вести Россия как ответственная мировая ядерная держава?

Спасибо.

В.Путин: Смотрите: пока ядерное оружие существует, всегда существует опасность его применения – первое.

Второе – цель сегодняшней возни вокруг угроз и возможного применения ядерного оружия очень примитивная, и я вряд ли ошибусь, если скажу, в чём она заключается.

Я уже говорил о том, что вот этот диктат западных стран, их попытка надавить на всех участников международного общения, в том числе на нейтральные или дружественные нам страны, заканчивается ничем, и они

ищут дополнительные аргументы для того, чтобы убедить наших друзей или нейтральные государства в том, что нужно всем вместе противостоять России.

Провокация с ядерным оружием, нагнетание возможности самого тезиса о возможном применении со стороны России ядерного оружия используется именно для достижения этих целей – повлиять на наших друзей, на наших союзников, повлиять на нейтральные государства, сказать им: смотрите, кого вы там поддерживаете, какая Россия страшная страна, не надо её больше поддерживать, не надо с ней сотрудничать, не надо у неё ничего закупать, не надо им ничего продавать. На самом деле это примитивная цель.

Что происходит в действительности? Мы ведь инициативно ничего никогда не говорили по поводу возможного применения Россией ядерного оружия, а только намеками отвечали на те заявления, с которыми выступали лидеры западных стран.

Госпожа Лиз Трасс, недавняя премьер-министр Великобритании, она же прямо сказала в разговоре с представителем прессы: «Да, Великобритания – ядерная держава. В обязанности премьер-министра входит возможное применение, и я сделаю это». Это не дословно, но близко к тексту. «Я к этому готова».

Понимаете, и никто ведь никак не отреагировал. Допустим, она лягнула там – девушка немножко не в себе. Как можно такие вещи говорить публично? Сказала.

Поправили бы её, в Вашингтоне бы публично сказали: мы к этому не имеем никакого отношения, мы не знаем. И обижать не надо было, а просто отмежеваться. Ведь молчат все. А что мы должны думать? Мы думали, что это согласованная позиция, что нас начинают шантажировать. И что, нам совсем молчать и сделать вид, что мы ничего не слышали, что ли?

Серия других заявлений идёт по этому поводу. Руководство киевского режима постоянно говорит о своём стремлении обладать ядерным оружием. Вот это первая часть Марлезонского балета. А дальше?

Постоянно идут разговоры о том, что мы творим на Запорожской атомной электростанции. А что же мы там творим?

Так прямо иногда говорят. Постоянно намекают на то, что мы обстреливаем Запорожскую атомную электростанцию. Ну они сбрендили совсем, нет? Мы же контролируем эту атомную электростанцию. Там же войска находятся наши.

Я разговаривал, уже пару месяцев прошло, наверно, с одним из западных лидеров. Говорю: что надо сделать? Он говорит: уберите тяжёлое оружие с Запорожской атомной электростанции. Я говорю: согласен, мы уже сделали это, там нет никакого тяжёлого оружия. «Да? Ну другое уберите». (Смех.)

Чушь какая-то, понимаете? Вот вы смеётесь, это смешно. Но на самом деле это почти дословно.

Я же говорю: послушайте, вы просили, чтобы там, на станции, находились представители МАГАТЭ, мы же согласились, они там.

Они живут прямо на территории атомной электростанции. Они своими глазами видят, что происходит, кто стреляет и откуда снаряды летят. Ведь никто не говорит о том, что украинские войска обстреливают атомную электростанцию, – никто. А нагнетают ажиотаж, обвиняя в этом Россию. Это бред. Казалось бы, бред, но это происходит же на самом деле так.

Тоже уже публично говорил о том, что, по-моему, три или четыре линии высоковольтные электропередачи повалили диверсионные группы киевского режима вокруг Курской атомной электростанции. Но, к сожалению, ФСБ не смогло их поймать. Поймают, надеюсь, когда-нибудь. Ушли. Но они же это сделали.

Мы проинформировали всех западных партнёров – тишина, как будто ничего не происходит. То есть они стремятся к какому-то ядерному инциденту, чтобы возложить ответственность на Россию и раздуть какой-то новый виток борьбы с Россией, санкции против России и так далее. Другого смысла я просто не вижу. Это же происходит.

Теперь новая задумка. Мы же не случайно обнародовали данные спецслужб по поводу того, что готовят какой-то инцидент с так называемой грязной бомбой, это же просто сделать. Мы даже знаем, где примерно это делается. Остатки ядерного топлива немножко преобразовали, технологии, имеющиеся на Украине позволяют это сделать, загрузили в «Точку-У», подорвали это устройство, сказали, что это Россия сделала, нанесла ядерный удар.

Но нам не нужно этого делать, для нас смысла нет никакого в этом – ни политического, ни военного. Нет, это же делают. И это я дал указание Шойгу позвонить всем его коллегам и проинформировать об этом. Мы не можем проходить мимо таких вещей.

Сейчас говорят: МАГАТЭ хочет приехать и проверить ядерные объекты Украины. Мы – за, и как можно быстрее нужно это сделать, и как можно шире,

потому что мы знаем, что сейчас киевские власти делают всё для того, чтобы замести следы этой подготовки. Они работают над этим.

Ну и, наконец, по поводу применения-неприменения. Единственная страна в мире, которая применила ядерное оружие против неядерного государства, – это Соединённые Штаты Америки, они сделали это дважды в отношении Японии. С какой целью? Военной целесообразности не было вообще никакой, ноль. Какая была целесообразность применять против Хиросимы и Нагасаки, практически против мирного гражданского населения ядерное оружие? Что, была угроза территориальной целостности Соединённых Штатов? Суверенитету? Да нет, конечно. Да и военной целесообразности уже не было – военная машина Японии была сломана, возможности к сопротивлению были сведены практически к нулю, зачем нужно было добивать Японию ядерным оружием?

Кстати, в японских учебниках, как правило, пишут, что это союзники нанесли ядерный удар по Японии. Так держат эту Японию, что даже в учебниках школьных не могут написать правду. Хотя вроде каждый год вспоминают об этой трагедии. Молодцы американцы, просто надо брать пример, наверное, в чём-то с них. Просто красавцы.

Но это происходит, это и есть жизнь. Так вот США – единственная страна в мире, которая применила ядерное оружие и сделала это, потому что посчитала, что это в их интересах.

Что касается России... У нас есть Военная доктрина, пусть её прочитают. В соответствующей статье этой Военной доктрины написано, в каких случаях, по какому поводу, в связи с чем и каким образом Россия считает возможным применение оружия массового уничтожения в виде ядерного оружия для защиты своего суверенитета, территориальной целостности, для обеспечения безопасности российского народа.

Ф.Лукьянов: У нас буквально завтра 60 лет главного дня Карибского кризиса – кульминация, когда, собственно, решили отступить.

Вы можете представить себя в роли одного из лидеров, вернее, Хрущёва, получается? Мы можем до такого дойти?

В.Путин: Ни в коем случае.

Ф.Лукьянов: Не дойдём?

В.Путин: Нет, я не могу себя представить в роли Хрущёва, ни в коем случае. (Смех.)

Ф.Лукьянов: Хорошо. А в роли лидера, которому придётся решать такой вопрос?

В.Путин: Мы готовы к решению любых вопросов, мы же не отказываемся. Мы в декабре прошлого года предложили Соединённым Штатам продолжить диалог по стратегической стабильности, они нам ничего не ответили. В декабре прошлого года. Тишина.

Если хотят, мы готовы, пожалуйста. А если не хотят – не надо, мы развиваем свои современные технологии, средства доставки, в том числе гиперзвуковое оружие. Нам в принципе-то ничего не нужно, мы самодостаточно себя чувствуем.

Да, понятно, что когда-то они нас догонят и по гиперзвуковому оружию, это очевидно: высокотехнологичная страна, – это только вопрос времени. Но пока не догнали. У нас всё есть, и мы развиваем эти технологии. Если кто-то хочет с нами вести диалог на этот счёт, мы готовы, пожалуйста.

Ф.Лукьянов: Расиган Махарадж, пожалуйста.

Р.Махарадж (как переведено): Большое спасибо.

Вы ответили на конкретный вопрос, который я поднимал ранее, но я хотел бы расширить его.

Ускорение и обострение кризисов продолжается, всё больше раскрывая ту трудную ситуацию, в которой мы находимся, и наши системы толкают нас на это. Поэтому неравноправные обмены продолжаются, как Вы отметили, неравномерное распределение, в особенности человеческого потенциала и компетенций. Всё это делает будущее возможное примирение и реформы невозможными. Тем не менее система гегемонии, её будущее в крайней степени туманно. Будущее, похоже, будет довольно мрачным, особенно с точки зрения реформы системы платежей.

Что Вы думаете, как сейчас может выглядеть более демократичный вариант, работоспособная альтернатива текущей системе расчётов и платежей?

В.Путин: Это один из ключевых вопросов сегодняшнего развития и будущего, не только финансовой системы, но и мироустройства. Вы попали прямо в десятку.

После Второй мировой войны Соединённые Штаты создали Бреттон-Вудскую систему, укрепили её многократно, по самым разным векторам работали, создали международные институты, которые находятся под их

контролем и в сфере финансов, и в сфере международной торговли. Но они дают сбой – очевидно.

Огромная ошибка со стороны Штатов, я уже говорил об этом, использовать доллар в качестве оружия в борьбе за свои политические интересы. Это подрывает доверие к доллару и к другим резервным валютам, капитально подрывает – поверьте мне, я знаю, что я говорю. Потому что все задумались: стоит ли держать золотовалютные резервы в долларах?

Не так просто выйти из доллара, потому что у американцев создана очень мощная система, которая держит эти резервы, не выпускает их, по сути дела. Выйти очень сложно, но на будущее все задумались. Я уже сказал, могу только повторить, в чём мы видим будущее международной финансовой системы.

Во-первых, это общий посыл, но тем не менее: всем странам должно быть обеспечено суверенное развитие, и нужно относиться с уважением к выбору любой страны. Это тоже важно, даже применительно к финансовой системе. Она должна быть независимой, деполитизированной, и, конечно, она должна быть основана на финансовых системах ведущих стран мира.

И вот если это будет создано, а это непростой процесс, очень сложный, но это возможно, тогда более эффективно будут работать и международные институты – их нужно либо реформировать, либо создавать заново – помощи тем странам, которые в этой поддержке нуждаются.

И прежде всего нужно будет на базе этой новой финансовой системы обеспечить трансфер образования и передачи технологий.

Если всё вместе это суммировать, собрать как палитру необходимых к реализации возможностей, то и сама экономическая модель, и финансовая система, она будет отвечать интересам большинства, а не только интересам этого «золотого миллиарда», о котором мы говорили.

Как предтеча, что ли, созданию такой системы – это, конечно, необходимость расширения расчётов в национальных валютах. С учётом того что финансовые власти США используют доллар как оружие и создают проблемы для расчетов не только нам, но и нашим партнёрам, и другим странам, конечно, стремление к независимости, оно неизбежно будет развивать расчёт в национальных валютах.

Например, с Индией у нас по экспорту, по-моему, уже 53 процента расчёта в национальных валютах, по импорту 27 процентов примерно. И с другими странами очень активно развивается расчёт. С Китаем очень активно

развиваются расчёты в юанях и в рублях и с другими странами – перечислять всех не буду.

Так что, что касается собственной финансовой системы, на мой взгляд, генеральный путь развития – это создание деполитизированной, основанной на национальных валютных системах, наднациональной мировой валютной системы, которая бы, безусловно, обеспечила расчёт. Это возможно. В конечном итоге, так или иначе, сделали первые шаги в расчётах в национальных валютах, потом – на региональном уровне. Мне кажется, этот процесс будет развиваться.

Ф.Лукиянов: Коллеги, пожалуйста, когда задаёте вопросы, представляйтесь. Расиган Махарадж – из ЮАР. Чтобы понятно было.

Александр Искандарян.

А.Искандарян: Владимир Владимирович, я из Армении приехал, и вопрос мой касается моей страны, моего региона.

В последнее время активизировались дискуссии о подготовке договора между Арменией и Азербайджаном. И эти дискуссии в основном о том, что существуют два конкурирующих проекта: так сказать, российский, предлагаемый российским посредником, и западный. Ситуация довольно рискованная, и вообще в регионе есть риски, ситуация не очень спокойная.

Что Россия в этом смысле думает, каким образом Россия собирается реагировать на эту ситуацию и каким образом Россия планирует действовать в дальнейшем в этом контексте?

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, я не знаю даже, говорили об этом публично раньше или нет – может, и говорили, а может, нет, – но я скажу, не вижу здесь, если даже не говорили, никаких секретов.

Мы в течение многих лет вели диалог с армянской стороной и предлагали урегулировать вопрос, связанный с Карабахом, следующим образом. Ведь Армения фактически контролировала семь районов Азербайджана, мы говорили: давайте будем двигаться к нормализации отношений. Есть два района, Кельбаджарский и южнее, коридоры эти, большие районы. На каком-то этапе договоримся с азербайджанской стороной – отдайте пять районов. Они не нужны, бессмысленны, они просто пустуют, там люди ушли, фактически изгнаны были с этих территорий. Зачем их держать? Смысла никакого нет. А для связи с Карабахом – два района, огромные между прочим, вполне достаточно.

Мы считаем, что это было бы справедливо – вернуть беженцев и так далее, это было бы хорошим шагом к нормализации ситуации в регионе в целом. Армянское руководство пошло своим путём. Как известно, это привело к той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день.

Теперь вопрос об урегулировании, о мирном договоре. Наша позиция заключается в том, что этот мирный договор, конечно, нужен, и мы поддерживаем мирное урегулирование, так же как и делимитацию границы, и полное урегулирование пограничного вопроса – мы за это. Вопрос, какой вариант избрать. Это дело Армении, армянского народа и армянского руководства. В любом случае, какой бы ни был выбран вариант, если это приведёт к миру, мы только за.

Но мы не собираемся ничего навязывать, мы не можем и не собираемся Армении что-то диктовать. Если армянский народ и сегодняшнее армянское руководство считают, что нужно выбрать какой-то конкретный вариант этого мирного договора... Так называемый вашингтонский, насколько я понимаю, предусматривает признание суверенитета Азербайджана над Карабахом в целом. Если Армения так считает – пожалуйста. Мы поддержим любой выбор армянского народа.

Если армянский народ и армянское руководство считает, что Карабах имеет какие-то свои особенности, что надо эти особенности учитывать и как-то это нужно обговорить в будущем мирном договоре, такое тоже возможно. Но, безусловно, нужно договариваться с Азербайджаном. Надо, чтобы эти договорённости были приемлемы и для другой стороны – для Азербайджана. Это очень сложный, прямо говоря, тяжёлый вопрос.

Но Армения является нашим стратегическим партнёром, союзником, и мы, конечно, в значительной степени, имея в виду интересы Азербайджана, будем ориентироваться на то, что будет предлагать сама Армения.

Ф.Лукиянов: Вы два года назад на наших же беседах очень высоко отзывались о Президенте Эрдогане, что он хвостом не виляет и настоящий мужик. За эти два года много чего тоже произошло. Ваша оценка осталось той же?

В.Путин: Да, он крепкий, сильный руководитель, который руководствуется прежде всего, а может быть, исключительно интересами Турции, турецкого народа, интересами турецкой экономики. В значительной степени этим объясняется его позиция и в вопросах энергетики, в вопросах строительства, скажем, «Турецкого потока».

Мы предложили сейчас создать газовый хаб на территории Турции для потребителей в Европе. Турецкая сторона согласилась – тоже, конечно, прежде всего исходя из своих собственных интересов. В сфере туризма много интересов, в строительном секторе очень много интересов, в сельском хозяйстве. У нас очень много совпадающих векторов взаимных интересов.

Президент Эрдоган никогда не позволяет сесть себе на шею и руководствоваться интересами третьих стран. Но он, конечно, защищает – и в диалоге с нами – прежде всего свои интересы. В этом смысле Турция в целом и Президент Эрдоган в частности являются непростыми партнёрами: многие решения рождаются в длительных и непростых спорах, переговорах.

Но есть стремление с обеих сторон достичь этих договорённостей, и мы, как правило, эти договорённости достигаем. В этом смысле Эрдоган, конечно, последовательный и надёжный партнёр. Пожалуй, это, наверное, самая главная характеристика: он надёжный партнёр.

Ф.Лукьянов: А сам он сесть на шею не пытается? Вам, например?

В.Путин: Вы знаете, я же сказал, что Президент Турции – непростой партнёр, он всегда отстаивает свои интересы – не личные, а интересы страны, но нельзя сказать, что он пытается сесть на шею.

Он просто борется за то решение, которое, по мнению его правительства, его советников, является оптимальным. Мы боремся за то, чтобы принимаемые решения были оптимальными для нас. Как правило, повторяю, находим эти решения даже по очень чувствительным вопросам: в Сирии, допустим, в вопросах безопасности, в экономике в том числе, по инфраструктуре. До сих пор нам всё это удавалось делать.

Повторяю ещё раз, это чрезвычайно важно: мы понимаем, что, если мы прошли трудный путь, было трудно договориться, но мы договорились о чём-то, можно быть уверенным в том, что это будет сделано. Это самое важное – надёжность и стабильность в этих отношениях.

Д.Джаятиллека (как переведено): Меня зовут Даян Джаятиллека, я из Шри-Ланки.

Господин Президент, говорят, что сейчас Россия сталкивается с прокси-войной, которую коллективный Запад и НАТО ведут с Вами чужими руками.

Если это так, возможно, это самая серьёзная угроза, с которой Россия сталкивалась с 1941 года – тогда началась Великая Отечественная война. Коммунист, тогдашний лидер СССР решил наладить диалог с РПЦ, для того чтобы создать широкий фронт для защиты России.

Могли бы Вы сказать, что схожим образом Вы могли бы вернуться к этому наследию, например к наследию 1917 года, для того чтобы воспользоваться старым наследием, которое могло бы быть полезным, например наследием Красной Армии? Могли бы, например, воспользоваться помощью коммунистических элементов, как бы мало их ни было, для того чтобы и они вошли в этот широкий патриотический фронт?

Спасибо.

В.Путин: Моя позиция заключается в том, что я считаю необходимым использовать всё наше историческое наследие. Я считаю, что нельзя отказываться ни от чего: ни от того положительного, что в истории России было связано с царской империей, ни от того положительного, а было немало положительного, в истории Советского Союза. И там, и там были свои минусы, свои проблемы, они по-разному преодолевались и имели разные последствия.

Что касается отношений с левой частью нашего политического спектра и с другими политическими течениями... Вы знаете, ведь особенность сегодняшней России заключается в том, что по поводу борьбы с внешними угрозами у нас практически полный консенсус. Да, есть люди абсолютно прозападной ориентации, которые живут там в основном: ментально там, семьи у них там, дети там учатся. Да, есть такая небольшая часть, но она всегда была и всегда есть во всех странах – ничего здесь особенного. Но в целом консолидация очень большая вне зависимости от политической окраски и взглядов по поводу путей развития самой России.

Люди коммунистических убеждений считают, что нужно в основном всё национализировать опять, всё «огосударствлять» нужно и так далее. Насколько это эффективно – трудно сказать. В чём-то и где-то, в какой-то конкретной исторической ситуации мы тоже не отказываемся от этого, у нас даже есть закон о национализации. Но мы этого не делаем – нет необходимости никакой.

Мы исходим из того, что нужно использовать наиболее эффективные инструменты развития страны, рыночные принципы, но под контролем, разумеется, государства, государственной власти, под контролем народа и, используя эти преимущества, направлять их на главные цели – на повышение благосостояния страны, на борьбу с бедностью, на расширение наших усилий и достижение лучших результатов в области жилищного строительства, образования, здравоохранения, решение других чрезвычайно важных для людей вопросов.

Поэтому мы работаем и с уважением относимся к тем людям, которые придерживаются левых взглядов, в том числе коммунистических убеждений. Советский Союз, как Вы правильно сказали, сами упомянули, жил долгое время под контролем, под руководством Коммунистической партии. Сейчас не буду вдаваться в детали: что было хорошо, что плохо.

Вы упомянули о религиозных организациях, но они у нас все – у нас четыре традиционные религии, – все настроены исключительно патриотически. Что касается Русской православной церкви, она всегда на протяжении всей истории была со своей паствой, со своим народом – то же самое происходит и сегодня.

Ключевое отличие, может быть, сегодняшнего дня во взаимоотношениях с конфессиями, с нашими традиционными конфессиями, заключается в том, что мы не только внешне, но мы по существу не вмешиваемся в жизнь религиозных организаций. Они у нас, может быть, в гораздо более свободном положении находятся, чем во многих странах, которые считают себя демократическими. Мы никогда не оказываем никакого давления. Мы считаем, что мы перед ними в долгу, потому что за советское время их имущество разбазарили, вывезли за границу, распродали там и так далее, то есть нанесли большой ущерб религиозным организациям, в том числе и Русской православной церкви.

Мы стараемся поддержать все наши конфессии, но мы не вмешиваемся в их работу. И, наверное, такого никогда раньше и не было, чтобы, с одной стороны, был общий патриотический настрой, связанный с развитием страны и внутри нашего государства и связанный с поддержанием наших интересов вовне, но при этом мы предоставляем полную свободу их деятельности. Такое взаимоотношение, такая ситуация, мне кажется, приносит нужный нам результат.

Ф.Лукиянов: Прошу. Кубат Рахимов.

К.Рахимов: Кубат Рахимов, Киргизская Республика.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Россия – действительно безусловный лидер нового антиколониального движения. Также во всём мире широкий отклик получает приверженность России традиционным консервативным ценностям. Но за время работы нашего Валдайского клуба мы увидели очень серьёзный запрос на социальную справедливость, на справедливую организацию общественных отношений.

Как Вы это видите и чем могли бы мы быть полезны как эксперты Валдайского клуба? Это первый мой вопрос.

Второй вопрос: как Вы оцениваете перспективы переноса столицы Российской Федерации в центр страны, фактически в центр Евразийского континента, для того чтобы быть ближе к странам Шанхайской организации сотрудничества?

Спасибо.

В.Путин: Что касается более справедливого социального устройства в России, то у нас по Конституции Россия является социальным государством, и, конечно, всё, что мы делаем, все наши национальные цели развития посвящены именно решению социальных задач. Здесь можно говорить часами, времени даже сегодняшнего дня будет недостаточно. Всё, что мы делаем, направлено именно на это – на решение социальных задач, которые стоят перед Российским государством. И у нас их очень много, в том числе много нерешённых задач.

Уже об этом говорил, ещё раз повторю: нам нужно развивать экономику и на этой базе решать вопросы здравоохранения, образования, технологического развития, менять структуру нашей экономики. Структурные изменения – самое главное. Будет меняться рынок труда, и в этой связи, конечно, мы должны подумать о тех людях, которые будут высвобождаться со старых мест работы, давать им новые компетенции, проводить переобучение и так далее.

Что касается Валдайского клуба, здесь собираются эксперты самых разных направлений. Если на экспертном уровне нам будут подсказывать тенденции развития по ключевым направлениям, мы, конечно, были бы благодарны, для того чтобы иметь в виду ваше мнение при строительстве наших планов, учитывая вашу позицию по этим тенденциям, о которых я сейчас сказал. Потому что понимая, что будет завтра, можно и нужно строить политику сегодня.

По поводу переноса столицы – да, такие разговоры и у нас есть. У нас переносили когда-то столицу, и неоднократно это было в истории Российского государства. Исторически, ментально центр России всегда ассоциируется с Москвой, и, на мой взгляд, какой-то необходимости...

Есть проблемы в развитии столицы как мегаполиса, и должен сказать, что под руководством команды действующего мэра Собянина они решаются гораздо лучше, чем во многих других странах мира и во многих других мегаполисах.

Был период, когда здесь нарастали – они и сейчас отчасти нарастают – проблемы, связанные с транспортом, с развитием социальной инфраструктуры

и так далее. Но всё-таки за последние годы мэр Собянин очень многое сделал для того, чтобы эти угрозы купировать и, наоборот, создавать условия для того, чтобы москвичи и те, кто приезжает в Москву для работы, либо гости Москвы, приезжающие сюда с туристическими целями, чувствовали себя здесь комфортно. Очень многое сделано для развития города в последние несколько лет.

Проблема излишней централизации всех федеральных структур в Москве существует. Я, например, сторонник делать так же, как в некоторых других странах, а именно: децентрализовать эти полномочия и центральные, столичные компетенции в других регионах России. Например, мы судебный центр создаём в Петербурге. Там уже Конституционный Суд работает, есть конкретные планы строительства Верховного Суда. Делать это нужно не спеша, спокойно, создавая судебному сообществу благоприятные условия для работы в том же самом Петербурге. И мы будем это делать без всякой спешки и суеты.

Некоторые крупные компании, которые, скажем, работают на самом деле в Сибири, а центральные органы управления имеют в Москве, могли бы там разместить свои штаб-квартиры. Это, кстати, и происходит. «РусГидро», например, там обосновывается, в Сибири, в Красноярске, по-моему, штаб-квартиру свою оборудуют.

И некоторые центральные органы власти могли бы быть рассредоточены по территории Российской Федерации. Это пойдёт только на пользу и самой системе управления, и тем регионам, где они будут появляться.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Иван Тимофеев.

И.Тимофеев: Владимир Владимирович, добрый вечер!

Иван Тимофеев, Валдайский клуб.

Вопрос у меня следующий. В отношении России за последний год введено беспрецедентное число санкций. Вы упоминали заморозку наших резервов в Европе на триста миллиардов. К этому можно ещё добавить на десятки миллиардов заморозку собственности наших граждан и наших организаций. Кстати, там планируют конфисковать эту собственность, сейчас разрабатывают соответствующие механизмы. И помимо этого много всего ещё: и финансовые ограничения, запреты на поставки в Россию товаров, технологий, запреты на поставки нашей нефти, манипуляции с газом и так далее. Мы всё это хорошо знаем, Вы это упоминали в своём выступлении.

Ожидалось, что наша экономика этого не выдержит. Она выдержала. Во многом это произошло потому, что экономика остаётся рыночной, она остаётся гибкой, она остаётся адаптивной. Бизнес ищет новые рынки сбыта, там, где это возможно, ищет пути импортозамещения. Правительство делает целый ряд шагов, для того чтобы бизнесу помогать.

Но с учётом экстремальных внешнеполитических условий и тех самых санкций, может быть, настало время пойти по пути дальнейшего дерегулирования экономики? Вы упоминали децентрализацию. Сократить число проверок, сократить регуляторную нагрузку?

Я был бы очень рад услышать Ваше мнение по этому вопросу.

В.Путин: Это наш выбор, как в таких случаях говорят, – сократить количество проверок, избавиться от излишнего регулирования со стороны государства.

Вы знаете, что плановые проверки прекращены не только для малого, среднего бизнеса, но и для крупного бизнеса. Если этого не говорили ещё, я скажу сейчас: мы продлим этот режим и на 2023 год.

Что касается регуляторики, то вот эта административная гильотина, как мы говорили, привела к тому, что свыше, по-моему, тысячи актов отменены, а на их место пришло где-то меньше пятисот новых – надеюсь, современных. Там четыреста с чем-то новых актов, регулирующих хозяйственную деятельность.

Поэтому будем и дальше по этому пути идти – конечно, за исключением тех видов производства, которые связаны с известными рисками для потребителя. Это, мне кажется, для всех понятно. Но и здесь постараемся строить работу таким образом, чтобы все эти регуляторные функции, проверки носили точечный характер, не мешали бы работе предприятий, бизнеса в целом.

Вы правы абсолютно: в ответ на всевозможные ограничения, которые вводятся в отношении России и её экономики... Вы сказали, что предполагалось, что у нас что-то рухнет. Не предполагалось, а целью было поставлено обрушить российскую экономику – это не получилось. Да, она стала действительно, и в этом Вы правы, гораздо более адаптивной, более гибкой. Выяснилось, что наш бизнес уже достаточно зрелый и спокойно перехватывает те направления и виды деятельности, те предприятия, которые освобождаются теми нашими партнёрами, которые приняли решение выходить из России. Легко наш бизнес берёт и ведёт дальше те предприятия, которые, как ещё совсем недавно казалось, не могут существовать без западного присутствия. Легко, практически по всем направлениям.

Да, мы понимаем и видим сложности среднесрочного периода. Мы понимаем, что мы не можем всё производить. Но, Вы знаете, я сегодня с утра ещё с некоторыми коллегами разговаривал перед тем, как к вам приехать, – естественно, я же со всеми переговорил в Правительстве, в Центральном банке, в Администрации: всё-таки наши эксперты считают, что пик трудностей, связанных с валом ограничений и санкций, пройден. Российская экономика в целом адаптировалась к новым условиям.

Ещё многое нужно будет сделать для того, чтобы новые цепочки поставок – и по импорту, и по экспорту – создать, понизить издержки, связанные с этим. Но в целом пик сложностей пройден, российская экономика адаптирована, и дальше будем развиваться на более устойчивой, более суверенной платформе.

Но ответом на все эти вызовы, конечно, может быть и должно быть в том числе – а может быть, прежде всего – разбюрокрачивание работы бизнеса, поддержка его и увеличение пространства свободы для экономической деятельности.

Ф.Лукиянов: Александр Андреевич, Вас не обойдётся.

А.Проханов: Владимир Владимирович, очень часто иностранцы спрашивают нас: «Что вы, Россия, можете предложить сегодняшнему миру? Где ваши нобелевские лауреаты? Где ваши великие открытия, индустриальные, научные открытия?» Мои коллеги часто отвечают: «Ну как же? А великая русская культура? А Пушкин? А Рублёв? А иконопись? А дивная русская архитектура?» Но они говорят: «Но всё это ведь в прошлом. А сегодня?».

Когда я сегодня слушал Вас, мне открылось, что может Россия предложить сегодняшнему миру: Россия сегодняшнему миру может предложить религию справедливости, потому что эта религия, это ощущение лежит в корне всей нашей русской культуры, всей нашей русской жертвенности. И сегодня Россия приносит эту жертву, она по существу одна, наедине со всем остальным жестоким западным миром ведёт эту борьбу за справедливость. Это огромный вклад сегодняшней России в контекст мировой цивилизации, мировой культуры. Потому что даже те прежние традиционные ценности, о которых мы говорили, и тот же Рублёв, русская иконопись, и та же восхитительная русская новгородско-псковская архитектура, и изумительный Золотой и Серебряный век – все они говорили о справедливости. В недрах русской цивилизации лежит справедливость.

Может быть, сделать сегодняшнюю российскую идеологию религией справедливости?

В.Путин: У нас четыре традиционные конфессии, нам достаточно.

Ф.Лукьянов: Пятая будет.

В.Путин: Это шутка, конечно.

По поводу того, чтобы что-то сделать... Вы знаете, я слежу за Вашими работами, за Вашим творчеством, когда время есть, с удовольствием читаю то, что Вы пишете, говорите. Конечно, я знаю, что Вы настоящий российский патриот в самом добром, хорошем, широком смысле этого слова.

Нужно ли нам что-то специально кому-то презентовать – в этом я не уверен.

Вы знаете, ведь Вы сейчас сказали о том, что мы жертвуем чем-то в интересах многих других народов. Я здесь с Вами поспорю. Ничем мы не жертвуем, мы работаем над укреплением своего суверенитета, это в наших интересах. Это прежде всего укрепление финансового, экономического суверенитета, он будет основой, фундаментом для нашего будущего развития – технологического, образовательного, научного.

То, есть нобелевские лауреаты или нет... Алфёров своё изобретение когда сделал? Через 30 лет – или сколько? – ему дали нобелевского лауреата. Разве дело в этом? Бывшему Президенту Соединённых Штатов дали нобелевского лауреата. Это что, показатель каких-то достижений? При всём уважении и к Нобелевскому комитету, и к обладателю этой замечательной Нобелевской премии, разве только в этом показатель состоит?

Наука развивается. Мы должны сделать всё, чтобы отдача и от фундаментальной, и от прикладной науки была кратно выше для нашего развития, и мы сделаем это. У нас сегодня происходят существенные, заметные обновления научных кадров, у нас наука становится одной из самых молодых в мире.

Да, конечно, те же Штаты, имея в виду свои конкурентные преимущества с точки зрения монополиста на мировые финансы, как пылесосом вытаскивают всё со всего мира, в том числе и научные и творческие кадры, это понятно. И это тоже закончится с утратой монополизма на доллар как на мировую валюту, а это тоже происходит уже сегодня.

Понимаете, то, что мы делаем, является очень привлекательным для очень многих стран мира и народов. Наши западные так называемые партнёры всё делают для того, чтобы оболгать Россию, унижить её как-то, проигнорировать её интересы. И когда мы боремся за свои интересы и делаем

это открыто, честно и, прямо скажем, мужественно, сам по себе этот факт, сам по себе этот пример является чрезвычайно заразительным и привлекательным для миллиардов людей на планете.

Вы посмотрите, во многих странах Африки, в некоторых странах российские флаги сейчас. В Латинской Америке то же самое происходит, в Азии. У нас очень много друзей. И нам ничего не нужно никому навязывать. Просто очень многие люди – и политические деятели, и рядовые граждане – устали жить в условиях какого-то внешнего диктата. Всё уже, надоело. И когда они видят пример нашей борьбы с этим диктатом, они и внутренне, и внешне на нашей стороне. И эта поддержка будет только расширяться.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, про науку много говорили в этот раз. На мой взгляд, была одна из самых интересных сессий как раз о том, как в этих условиях развивать науку и технологии.

Руслан Юнусов сидит в зале – как раз очень интересную нам картину нарисовал.

Р.Юнусов: Спасибо.

Я представляю сегодня «Росатом» и Валдайский клуб.

Владимир Владимирович, Вы действительно сказали правильные слова про науку. Мы видим, что за последние двадцать лет поддержка науки в России серьёзно выросла, программа мегатрантов позволила запустить много десятков современных лабораторий в России, мы это видим.

Однако, с другой стороны, мы как учёные видим, что большинство профессоров, которые открывали эти лаборатории, так и не приехали жить в Россию и работать на полной ставке. Можно даже понять, почему тяжело конкурировать: тут у тебя мегатрант на пять лет, а тут у тебя пожизненная профессорская позиция. Это действительно вопрос.

С другой стороны, вчера мы обсуждали на сессии: китайские коллеги за последние двадцать лет совершили колоссальный рывок в науке. Сегодня они не просто вернули учёных, они занимают первые места во многих направлениях.

Вот мы занимаемся квантами, и я хочу сказать, что мы знаем, что самый мощный квантовый компьютер сегодня находится в Китае, а не в США, максимальное количество патентов публикуется в квантах Китае, а не США.

Но, с другой стороны, конечно, в России мы тоже имеем программы, которые объединяют множество лабораторий. Тот же самый квантовый

проект, квантовый компьютер – это двадцать научных групп, 15 вузов, университетов, институтов Академии наук. Но у нас на пять лет планирование.

Думаю, сегодня мы столкнулись с усилением давления, у нас действительно вызов научно-технологическому суверенитету, и, может быть, это самое правильное время начать формулировать стратегические проекты и горизонт сделать десять–двадцать лет.

Спасибо.

В.Путин: Да, чем выше горизонт, тем лучше, чем дальше горизонт, тем лучше, я с Вами согласен. Надо посмотреть на положительные примеры других стран, наших друзей, партнёров, в том числе Китайской Народной Республики. Там очень многое сделано за последние годы под руководством Председателя Си Цзиньпина, он этому уделяет большое внимание – не только развитию науки, но и Китая в целом, экономике Китая, повышению уровня благосостояния китайского народа. Я это знаю, мы с ним в хороших, дружеских отношениях. И то, где они добиваются реальных результатов, конечно, может быть предметом нашего изучения и внедрения в нашу практику.

Что касается мегатрантов, то они действительно сыграли хорошую, положительную роль, и следующий этап, который мы сейчас реализуем, – это не просто исследования и создание отдельных лабораторий, это создание научных сообществ молодых учёных. И в этом, собственно говоря, будущее этих мегатрантов.

Я согласен с теми, кто инициировал этот процесс. Мы это делаем. (Обращаясь к А.Фурсенко.) Да, Андрей Александрович?

Будем продолжать это делать.

Вы сказали, что никто не приехал. Некоторые приезжают и работают здесь, если даже формально числятся где-то там, за границей, большую часть времени проводят в России, таких немало. Это и наши бывшие соотечественники, и не только бывшие, а соотечественники, которые там где-то числятся на работе, но приезжают работать к нам постоянно.

Вы знаете, мир науки, так же как мир искусства, не терпит искусственных границ и ограничений. Люди должны чувствовать себя свободно, и мы не будем никого здесь запиравать, но мы будем приветствовать всех, кто хочет работать в России. В целом у нас это получается, и мы будем дальше идти по этому же пути.

Увеличить горизонты планирования – наверное, Вы правы. Хотя у нас на пять лет сейчас мегатранты, да? Можно, конечно, их и продлить. Это вопросы, конечно, связанные с бюджетным финансированием, но это можно сделать. Во всяком случае, сегодня мы можем расширить эти горизонты.

Хотя то, что Вы сказали по поводу того, что где-то там человек работает, занимает какую-то должность профессорскую, и это пожизненно, – далеко не везде. Вы же сами учёный, Вы знаете: там контракт заключили на несколько лет, контракт закончился – до свидания, будь здоров. Поэтому там тоже это всё не на всю жизнь. А вот жить в пространстве своего родного языка, своей культуры – это на всю жизнь.

Поэтому эта свобода выбора должна быть предоставлена и деятелям культуры, и научным деятелям. Мы должны создать условия, которые будут более привлекательными, чем те, которые создают за рубежом. Это непростой процесс. Мы идём по этому пути, добиваемся результатов и будем дальше по нему двигаться, в том числе – наверное, Вы правы – и расширять горизонт планирования.

Ф.Лукиянов: Пожалуйста, Ван Вэнь.

Ван Вэнь (как переведено): Спасибо.

Меня зовут Ван Вэнь. Я работаю в университете Чунъян. Это китайский университет. Я посетил в этот раз в России более 20 городов и написал целый ряд статей, для того чтобы продемонстрировать настоящую Россию Китаю. В Китае много людей любят Россию и Вас в частности.

Хочу задать следующий вопрос. Наверняка сейчас Вы находитесь под большим давлением, у Вас на плечах большой груз. Чувствуете ли Вы страх или нервозность, или, может быть, волнение, в особенности в свете угрозы со стороны Запада? Считаете ли Вы, что создали новую Россию? Или же российская судьба создала Вас?

И второй вопрос: что бы Вы хотели сказать китайскому народу? Что Вы могли бы сказать о последних десяти годах российско-китайских отношений? Каковы Ваши прогнозы и ожидания от будущего российско-китайского взаимодействия?

Спасибо большое.

В.Путин: Знаете, когда я работаю, я никогда не думаю о каких-то исторических свершениях, я просто исхожу из того, что нужно делать и без чего невозможно обойтись, – вот это самое главное. И в этом смысле, конечно,

обстоятельства, в которых живёт страна, формируют любого человека, в том числе и меня, конечно, это так.

Что касается того, что мы должны кого-то бояться... Конечно, наверное, многим хотелось бы сейчас услышать, что я боюсь, но если бы я всего боялся, я бы ничего и не делал. Я не могу руководствоваться соображениями такого порядка на том месте, которое я занимаю. Я должен руководствоваться интересами российского народа, Российского государства, я это и делаю и буду делать дальше. Буду делать то, что считаю нужным для интересов своего народа и своей страны.

Что касается российско-китайских отношений, то за последние годы, за последние десятилетия они приобрели абсолютно беспрецедентный уровень открытости, взаимного доверия и эффективности. В страновом измерении Китай – самый крупный наш торгово-экономический партнёр. Мы работаем действительно во всех сферах: и в военной сфере, учения постоянно совместно проводим, в военно-технической сфере, причём так доверительно, как, может быть, никогда раньше в истории наших стран и не было, мы работаем в области культуры, гуманитарного взаимодействия и в области экономики, конечно.

Самый большой товарооборот России – с Китаем, и он растёт, причём растёт очень быстрыми темпами. Темпы были набраны ещё до всяких ограничений и перераспределения наших товарных потоков в сторону Азии, в том числе и в сторону Китая.

Мы поставили определённые задачи перед собой вместе с моим другом – он так и обо мне говорит, я считаю его своим другом – господином Си Цзиньпином по определённому уровню товарооборота. Мы точно его достигнем. Мы движемся к этому большими темпами, чем мы даже планировали.

Что касается нашего отношения к Китаю, мы относимся как к близкому другу к Китаю, к китайскому народу, с большим уважением к культуре и к традициям. Уверен, что, опираясь на эту прочную базу, мы уверенно будем двигаться вперёд.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, по поводу страхов, профессор Ван сказал, – в этом году, когда с весны ещё как-то ядерный фактор возник, и Вы так указывали на его наличие, и вообще очень многие немножко занервничали, вспомнив Ваше высказывание здесь же, на нашем мероприятии, четыре года назад, что мы все в рай попадём. Мы не торопимся же, правда? (Смех.)

Вы задумались, это уже настораживает как-то.

В.Путин: Я специально задумался, чтобы вы насторожились. Эффект достигнут. (Смех.)

Ф.Лукьянов: Понятно. Спасибо.

Мохаммед Ихсан, пожалуйста.

М.Ихсан (как переведено): Профессор Мохаммед Ихсан, Курдистанский регион Ирака.

Мне очень приятно быть здесь, господин Президент. У меня есть прямой вопрос к Вам.

Тема этой сессии – мир после гегемонии, справедливость и безопасность для всех. Считаете ли Вы, что на этом этапе курды во всех частях Курдистана добьются лучшей безопасности, добьются большей справедливости в будущем? Не могли бы Вы более подробно остановиться на этом вопросе?

И как Вы говорили, в Центральной Америке, в Африке российские флаги повсюду, очень много людей, которые любят Россию, которые её поддерживают. И я хочу заверить Вас, что то же самое можно сказать о Ближнем Востоке – там тоже очень много людей, поддерживающих Россию и любящих её.

Спасибо.

В.Путин: Спасибо за завершающую часть Вашего выступления. Флаги присутствуют и в европейских странах, и в Штатах, кстати говоря, тоже, там у нас много сторонников. Кстати, в Соединённых Штатах очень большая часть людей, которые придерживаются традиционных ценностей, и они с нами, мы знаем об этом.

Что касается курдов – я уже говорил не применительно к курдам, а в целом ко всем народам: конечно, мы должны стремиться к балансу интересов. Только в случае достижения баланса интересов мир может быть устойчивым, в том числе это касается и судьбы курдского народа.

Ф.Лукьянов: Прошу дальше. Господин Старыш.

К.Старыш: Спасибо.

Добрый вечер!

Константин Старыш, Республика Молдова. Я представляю парламентскую оппозицию, разумеется, оппозицию, поскольку наша власть, на беду нашей страны и нашего народа, пока предпочитает какие-то иные маршруты для своих зарубежных поездок. В итоге у нас с сегодняшнего дня погас свет в Кишинёве почти полностью. Но речь не об этом.

У меня есть вопрос, но сначала – поручение. Вы так хорошо, Владимир Владимирович, говорили о своей семье, что я рискну. У меня двое детей, им восемь и десять лет, они ученики лицея имени Пушкина в Кишинёве. Они очень просили передать Вам привет, и я не мог себе отказать в этом отцовском маленьком удовольствии. Так что Вам привет от Александры и Гаврила из Кишинёва.

В.Путин: Спасибо.

К.Старыш: Теперь вопрос.

Вы в своём выступлении говорили о неизбежности появления новых моделей взаимодействий между странами и регионами. Может быть, в этом контексте имеет смысл вернуться к той идее, которую Вы озвучили ещё в 2001 году, о едином экономическом, гуманитарном, культурном пространстве, которое будет тянуться от Владивостока до Лиссабона?

Для нас, молдаван разных национальностей, такая постановка вопроса очень бы устроила, поскольку нам всегда очень трудно выбирать между добром и добром, между Европой и Россией. Для нас это был бы очень перспективный проект и как бы и свет в конце туннеля.

Но возможно ли это в том мире, который мы собираемся построить, в мире постконфликтном, в мире, в котором уже не будет гегемона, глобального полицейского и доминирующей державы?

Благодарю Вас.

В.Путин: Возможно ли создание единого пространства – гуманитарного, экономического – да и региона с точки зрения обеспечения безопасности всех, кто проживает на этом огромном мегаконтиненте от Лиссабона до Владивостока? Конечно, да. Надежда умирает последней. Это же не наша идея. Правда, тогда говорили «до Урала», это я уже потом трансформировал эту идею наших французских коллег и бывших французских лидеров «до Владивостока».

Почему? Потому что и за Уралом тоже живут люди той же самой культуры – это же самое главное

Сегодня происходят сложные, тяжёлые, трагические события. Но в целом почему нет? В целом возможно такое себе представить. Мне кажется, так или иначе это будет происходить.

Я же говорил в своём выступлении о Евразии в целом, включая европейскую часть. Знаете только, что очень важно? Очень важно действительно, хочу опять вернуться к своему выступлению, чтобы вот эта европейская часть вернула себе правосубъектность.

Как разговаривать с тем или другим партнёром, если он ничего не решает и по каждому поводу должен позвонить в вашингтонский «обком» и спросить, что можно сделать, а что нельзя.

По факту в жизни так и происходит.

Я помню, когда начинались очень непростые события вокруг Сирии, приехал один из лидеров, я с ним встречаюсь. Договорились, что мы будем делать, как мы будем делать. Конкретно: вот это, это, это я сделаю.

От нас из Москвы он полетел в Вашингтон. Вернулся в Париж – всё забыто. Как будто и не было никаких договорённостей. Как разговаривать? О чём?

А там прямо конкретные были договорённости, вплоть до того, куда флот подвинется, что мы будем делать, как мы согласуем. Мы против, что ли? Мы за. И согласились. Договорились.

А как разговаривать-то? Чего тогда с ними разговаривать? Тогда лучше прямо звонить в Вашингтон. Вот и всё. Я сейчас говорю и ничего не придумываю, понимаете?

Конечно, Европа защищает свои интересы, особенно в сфере экономики, да и то не очень. Вон взорвали газопроводные системы. Это же не наши, они общеевропейские. Там в «Северном потоке – 1» пять европейских компаний представлено. Ну и что? Все молчат, как будто так и надо. Да ещё хватает наглости там показывать: а может, это Россия взорвала. Сама себя взорвала Россия. Совсем с ума сошли, что ли? Нет, тем не менее делают.

Опубликовал же «Газпром» даже снимки 2016 года, когда под газопроводной системой лежит, по-моему, американского производства взрывное устройство. Сказали, что потеряли в ходе учений. Потеряли так, что прямо под газопроводную трубу зашло это взрывное устройство, которое, по-моему, было предназначено для уничтожения подводных мин. Слушайте, прямо вот фотография.

Нет, мировые СМИ даже не транслируют это, никто не повторяет, всё это умирает на корню, нигде нет: ни в интернете, ни на телевизионных экранах, ничего нет. Это тоже использование монополии в средствах массовой информации, для того чтобы продвигать нужную информацию и убивать всё, что им мешает. Это же есть, но все молчат.

Поэтому, конечно, нужно создавать это единое пространство во всех смыслах от Лиссабона до Владивостока. Но это можно делать только с теми, кто имеет право голоса. Я не хочу ни провоцировать, никого обижать, но такова практика, таковы реалии жизни сегодняшние. Но тем не менее, на мой взгляд, в исторической перспективе это возможно.

Я уже упоминал об этом, сейчас ещё раз скажу. Мне когда-то Гельмут Коль сказал, что Штаты займутся когда-то своими делами, в том числе в Латинской Америке, Азия будет мощно развиваться своим путём, если европейская цивилизация хочет сохраниться как какой-то мировой центр, то, конечно, нужно быть с Россией. Такова была позиция Гельмута Коля. Сегодняшнее руководство Федеративной Республики, видимо, придерживается других взглядов. Но это выбор европейских стран.

Но я бы хотел вернуться к тому, с чего Вы начали. Вы сказали, что свет погас в Кишинёве. Непонятно, почему он погас, мы точно к этому не имеем никакого отношения.

Вы знаете, я почему об этом говорю? Потому что во всём всегда обвиняют Россию: где-то свет погас, где-то туалет не работает, извините, где-то ещё что-то – во всём виновата Россия. Это, помните, как в известном фильме: а часовню какого-то там XII или какого века тоже мы разрушили? Но, слава богу, нет. Но хочу Вас проинформировать, и то, что я скажу, что, называется, чистая правда. Мы когда вели переговоры с представителями Правительства Молдовы по поводу поставок газа, по поводу цен на газ, «Газпром» занял абсолютно прагматичную рыночную позицию по контракту с Молдовой на поставки природного газа.

Молдавская сторона не согласилась с позицией «Газпрома» и настаивала на ценовых преференциях. «Газпром» упёрся, потом господин Миллер вышел на меня, изложил позицию и заявил, что считает свою точку зрения правильной. Я попросил его пойти навстречу молдавской стороне, имея в виду экономические и финансовые возможности Молдавского государства. Сказал ему: цены хотя и справедливые с рыночной точки зрения, но неподъёмные для Молдовы; если они платить не смогут, какой в этом смысл?

Он со мной не очень согласился, но прислушался к моему мнению. «Газпром» пошёл навстречу Правительству Молдовы и заключил контракт на

поставку газа на молдавских условиях – на условиях молдавской стороны, молдавского правительства.

Там много деталей, я просто не хочу утомлять аудиторию, потому что, кроме Вас, это никому, наверное, неинтересно. Там связано с долгами, связано с текущими платежами, с определённой предоплатой. Но в целом по ценовым параметрам полностью пошли навстречу молдавской стороне. Платить надо, конечно. Это же само по себе, мне кажется, очевидным является.

Почему дело довели до того, что света нет в Молдове, это уж, извините, не наша проблема.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, Вы про Европу вспомнили. Месяца два назад или даже меньше был такой интересный эпизод, когда оказалось, что, когда Вы незадолго до начала боевых действий разговаривали с Президентом Макроном, у него в кабинете сидели журналисты, по громкой связи всё это транслировалось, они всё это записывали. Такая несколько необычная форма. Ну ладно, это не первый раз. Вот Вы к таким вещам как относитесь?

В.Путин: Отрицательно. Я считаю, что существуют определённые форматы общения между главами государств и их надо соблюдать, иначе пропадает доверие к тому, что делает партнёр. В целом здесь нет ничего предосудительного, если то, что мы говорим, о чём мы говорим, если наши оценки доходят до представителей средств массовой информации. Но просто тогда об этом нужно предупреждать, вот и всё.

Ф.Лукьянов: Вас не предупреждали?

В.Путин: Ну конечно, нет. Наоборот, когда идут телефонные переговоры, в том числе и по закрытым каналам связи, всегда исходим из того, что это конфиденциальные переговоры, они огласке не подлежат, или подлежит что-то по договорённости сторон. Если это делается в одностороннем порядке, то это, конечно, неприлично.

Ф.Лукьянов: А теперь, когда Макрон звонит, Вы уточняете, кто у него там рядом?

В.Путин: Нет.

Ф.Лукьянов: А почему? Как раз стоило бы.

В.Путин: Потому что я теперь исхожу из того, что кто-то слушает.

Ф.Лукьянов: Понятно.

Пожалуйста, гостя из Индонезии.

Р.Б.Конни (как переведено): Спасибо.

Господин Президент, мне очень понравилась Ваша речь. Мне кажется, она принесла нам дух, как мы можем строить вместе, строить сильнее. Звучит как девиз для «большой двадцатки».

Мы надеемся, что Вы приедете в следующем месяце в Индонезию.

Спрошу Вас про заголовок «Мир после гегемонии: безопасность для всех».

Господин Сукарно в 1955 году уже сказал, что все союзы безопасности опасны для мира. Вы и Китай находитесь в Совете Безопасности ООН. Можете ли вы справиться с тем, чтобы избавиться от КВАТ, АУКУС, НАТО вместе. Возможно ли это?

Вопрос два.

В Индонезии Вас все очень любят. Все всегда кричат «ура». Хочу спросить: можно ли потом, позже, с Вами сфотографироваться?

В.Путин: Да, с удовольствием. С такой красивой женщиной с удовольствием.

У нас очень добрые отношения с Индонезией на протяжении практически всей новейшей истории.

Президент Видодо, когда мне звонит, обращается ко мне «брат», я ему говорю то же самое. Мы дорожим отношениями, которые у нас сложились с Индонезией.

Я благодарен руководству и Президенту за приглашение на «двадцатку». Мы подумаем, как мы это сделаем. Россия совершенно точно будет там представлена на высоком уровне. Может быть, и я поеду. Я подумаю.

Что касается создания новых блоков в Азии, то, на мой взгляд, это попытка перенести в Азию провалившуюся систему блокового мышления из Атлантического региона. Без всякого сомнения, это вредная затея. Это опять попытка дружить с кем-то против кого-то, в данном случае дружить против Китая. Мы не просто не поддерживаем попытку реанимировать или воссоздать

теперь в Азиатско-Тихоокеанском регионе то, что происходило в Атлантике, но и считаем, что это очень вредная и опасная затея.

Надо сказать, что это имеет неблагоприятные последствия и для участников или для союзников тех же Соединённых Штатов, у которых, как мы знаем, отбирают контракты на поставку подводных лодок, ещё что-то такое. Просто ещё ничего не сделано, а негативные последствия, в том числе для союзников Штатов, уже наступают. И если такая практика будет продолжаться, количество этих ошибок и проблем будет только возрастать. Мы, конечно, выступали и выступаем против политики подобного рода.

Ф.Лукьянов: Генерал Шарма, я знаю, хотел Вас спросить.

Б.К.Шарма (как переведено): Господин Президент, в мире после гегемона какую роль, Вы ожидаете, сыграет Индия?

В.Путин: Индия проделала колоссальный путь развития от английской колонии до современного её состояния. Почти 1,5 миллиарда человек, и заметные результаты развития вызывают и всеобщее восхищение, и уважение к Индии со стороны всего мира.

Очень многое сделано за последние годы под руководством Премьер-министра Моди. Он, безусловно, патриот своей страны. И его тезис «делай в Индии» имеет значение и экономическое, и моральное.

Индия сделала огромные шаги в своём развитии, и, конечно, за ней огромное будущее. Индия не только вправе гордиться тем, что это самая крупная демократия, в хорошем смысле этого слова, но и гордиться темпами своего развития. Это чрезвычайно важная база, на которой развивается Индия.

У нас с Индией особые отношения, вызванные или строящиеся на фундаменте очень близких союзнических отношений на протяжении многих-многих десятилетий. У нас с Индией никогда не было никаких, я хочу это подчеркнуть, никогда и никаких сложных вопросов, мы всегда только поддерживали друг друга. Так происходит сейчас, уверен, так будет происходить и в будущем.

Сейчас темпы экономического взаимодействия растут. Во-первых, растёт товарооборот в целом. Но в качестве примера: Премьер-министр Моди просил меня увеличить поставки удобрений, что очень важно для индийского сельского хозяйства, и мы сделали это. Как вы думаете, на сколько? В 7,6 раза увеличены поставки удобрений в Индию – не в какие-то проценты, а в 7,6 раза. Почти в два раза вырос товарооборот в сфере купли-продажи сельхозпродукции.

У нас продолжают развиваться взаимоотношения в области военно-технического сотрудничества. Премьер-министр Моди – тот человек, один из тех людей в мире, который в состоянии проводить независимую внешнюю политику в интересах своего народа. Несмотря ни на какие попытки что-то сдерживать, что-то ограничить, он, знаете, как ледокол, так и движется спокойно в нужном для индийского государства направлении.

Я думаю, что за такими странами, как Индия, не только большое будущее, но и, безусловно, растущая роль в международных делах.

Ф.Лукашевич: Раз про удобрения речь зашла, я почему-то сразу вспомнил о Бразилии. Игор Гилов где у нас сидит?

В.Путин: С Бразилией, кстати, мы договаривались о том, что и поставки удобрений будут нарастать, но, к сожалению, чуть-чуть сократились. Не знаю почему, может, из-за логистики, там, по-моему, на несколько процентов сократились поставки удобрений.

Ф.Лукашевич: Он нас покинул, ну, неважно. Тогда я, собственно, спрошу, что, я знаю, он хотел спросить.

Тут выборы у них на днях буквально. Мы как? Лула, наверное, вернется. Вы же с ним в хороших отношениях?

В.Путин: Мы в хороших отношениях с господином Лулой, мы в хороших отношениях с господином Болсонару. Мы не вмешиваемся во внутривнутриполитические процессы – это самое главное.

Мы знаем, что в Индии, несмотря на острые внутривнутриполитические процессы, консенсус в отношении сотрудничества с Россией, консенсус в отношении нашего взаимодействия в рамках БРИКС. Для нас это имеет принципиальное значение, мы исходим из этого.

У нас тоже консенсус в отношении взаимодействия с Бразилией. Мы считаем Бразилию важнейшим нашим партнером в Латинской Америке, так оно и есть, и будем всё делать для того, чтобы эти отношения развивались в будущем.

Ф.Лукашевич: Владимир Владимирович, раз мы по БРИКС пошли, тут была инициатива буквально недели полторы назад, что Саудовская Аравия хочет присоединиться.

Вы поддерживаете?

В.Путин: Да, мы поддерживаем. Для этого нужен консенсус всех стран БРИКС. Но Саудовская Аравия – это быстроразвивающаяся страна, и связано это не только с тем, что она является лидером по производству углеводородов, добычи нефти.

Это связано с тем, что у Наследного принца, у правительства Саудовской Аравии очень большие планы, что очень важно, по диверсификации экономики – там целые планы национального развития сверстаны по этому направлению. Имея в виду энергию и творческий потенциал Наследного принца, уверен, что эти планы будут реализованы.

Поэтому, конечно, Саудовская Аравия достойна быть членом крупных международных организаций – и таких, как БРИКС, и таких, как ШОС. Совсем недавно мы определили статус Саудовской Аравии в ШОС. Будем развивать отношения с этой страной и в двустороннем плане, и на многосторонних площадках.

Ф.Лукьянов: Сейчас на Западе пишут очень много, что Бен Сальман из-за Вас американцам хамит.

В.Путин: Это неправда.

Бен Сальман – человек молодой, решительный, с характером, это очевидные факты. Ему не надо хамить, и тогда в ответ не услышите жёстких оценок с его стороны, вот и всё. Надо уважать и Наследного принца, и саму Саудовскую Аравию, и они будут отвечать тем же. Тем же будут отвечать и тем, кто им хамит.

А что касается нас, это полная чушь, потому что вообще и Наследный принц, и всё саудовское руководство руководствуются своими собственными национальными интересами. И если речь идёт о том, сокращать или увеличивать добычу, – а я знаю Наследного принца уже хорошо лично, знаю, чем он руководствуется, – он руководствуется, конечно, национальными интересами и интересами сбалансирования энергетических рынков.

В этом смысле его позиция – я сейчас говорю без всяких шуток – является абсолютно взвешенной. Она направлена на баланс интересов как производителей, так и потребителей, ведь на энергетических рынках важна даже не конечная цена, важно не это – это текущая экономическая или политическая конъюнктура. Для международных энергетических рынков важна предсказуемость, стабильность – вот что важно. Наследный принц как раз к этому стремится и в целом добивается того, чего он хочет.

Ф.Лукьянов: То есть ему на шею тоже не сядешь?

В.Путин: Это уж точно нет.

Ф.Лукьянов: Мухаммад Джавед, прошу.

М.А.Джавед (как переведено): Спасибо большое, господин Президент.

Я передаю любовь и уважение из Пакистана, из Исламабада. Спасибо за Ваш решительный и полноценный анализ того, что происходит.

Мой вопрос связан с очень важным фактором, также связан с историей до Второй мировой войны, когда евреев демонизировали, и потом всё, что было связано с ними, игнорировалось США и Западной Европой. Затем произошёл чудовищный Холокост. Сейчас есть синдром ненависти, который создаётся вокруг России. Вы говорили про Донбасс, о том, как с людьми обращались.

Я сам бывал в Великобритании, в скандинавских странах: неонацизм там на подъёме. Я, в частности, работал в проекте, который связан с оценкой этих трендов. Что мы поняли из этого проекта – что происходят несколько пороков: например, о неонацизме не сообщается, как, например, и до Второй мировой войны, во-вторых, все стараются это нивелировать, не сообщать. Это означает, что есть необходимость, как Вы говорили, со стороны России защиты русского языка, россиян за пределами России, а также необходимость создать встречный план по борьбе с подъёмом неонацизма. Это серьёзная угроза.

И последний компонент в следующем. На Украине ведётся рекрутирование негосударственных акторов из различных регионов. Есть достоверные сообщения о том, что это происходит для того, чтобы использовать бригады для борьбы с традиционными армиями, чтобы подавить боеспособность.

Мне было бы интересно услышать Ваш анализ – это очень серьёзно: Европа сталкивается с подъёмом неонацизма.

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, мне кажется, что одна из серьёзных, фундаментальных проблем тех, кто якобы заботится о будущем Украины, так называемых украинских националистов, она заключается в том, что происходит сращивание даже националистического движения и неонацистского, неонацистского.

Они ведь опираются на тех, кого нельзя не отнести к коллаборационистам и к нацистам. Нельзя не отнести к тем, кто, как я уже говорил, по поручению гитлеровских властей уничтожали польское,

еврейское, русское население на оккупированных во время Второй мировой войны территориях. Невозможно разделить сегодняшних так называемых ура-патриотов и националистов с бандеровцами – фактически одно и то же. В этом, на мой взгляд, их большая проблема на самом деле.

Поэтому я говорю, в том числе нашим западным так называемым партнёрам: вы посмотрите, что делается на улицах Киева, других крупных городов, когда со свастикой, факелами тысячи людей ходят по улицам и так далее.

Да, у нас тоже возможны проявления неонацизма. Во всех странах он живучий – такая живучая зараза. Но мы с этим боремся, а там на государственном уровне поддерживают – это, конечно, проблема. Её замалчивают, но она существует, и от этого никуда не деться, потому что это есть.

Ну а самими сегодняшними «ура-патриотами» на Украине движет не это – не интересы даже, не идеи национализма, всё очень примитивнее: ими движут экономические интересы, желание сохранить в западных банках миллиарды долларов, которые они украли у украинского народа. Украли, спрятали в западных банках и, для того чтобы обеспечить безопасность своих капиталов, делают всё, что им с Запада приказывают, обёртывая это в националистическую обёртку, преподнося своему собственному народу как борьбу за интересы украинского народа. Вот что происходит в действительности – не жалеют и борются с Россией до последнего украинца.

Я говорю об этом с сожалением. Там потери бывают один к десяти, один к восьми. В последнее время почти всегда один к семи, один к восьми. Людей не жалеют совсем. Разве истинные патриоты своей страны могут это допустить? Они прямо по этому пути идут спокойно и даже без оглядки, не думают об этом. Конечно, не свои национальные интересы защищают.

Но эта зараза национализма живучая, а то, что она завязана на неонацизм, стараются или предпочитают не замечать. И это, конечно, огромная проблема и для самого сегодняшнего украинского режима, и для тех, кто их поддерживает, безусловно. Но мы не можем на это не обращать внимания и всегда будем указывать на это, в том числе как на одну из первопричин сегодняшнего кризиса.

Ф.Лукиянов: Господин Ким.

Х.Ким (как переведено): Здравствуйте, меня зовут Ким Хынчонг, я из Южной Кореи. Я второй раз приехал в Валдайский клуб, я многое узнал. Спасибо большое за возможность услышать многое.

У меня вопрос по поводу безопасности. Мне было бы интересно Ваше мнение по поводу российской позиции о растущей напряжённости между Китаем и США по поводу Тайваня, Северной Кореи и ядерной программы её развития.

Второй вопрос: по поводу борьбы с изменением климата. Россия очень богата природными ресурсами и ископаемым топливом. Ускорение перехода к углеродной нейтральности может противоречить российским интересам.

Спасибо.

В.Путин: Начну с последнего. Переход к углеродной нейтральности не противоречит российским интересам, потому что у нас существуют возможности развития альтернативных видов энергии, в том числе водородной, в том числе чистого водорода, и здесь у нас есть серьёзные конкурентные преимущества. В том числе можно газ использовать, есть много возможностей, это нас не пугает абсолютно, а наоборот, создаёт для нас стимулы для развития. А в качестве переходного энергоресурса первичный газ является самым лучшим источником энергии. Если говорить о глубокой переработке нефти, то и здесь мы в значительной степени имеем те преимущества, о которых я только что сказал. Нашим интересам это никак не противоречит.

Нашим интересам противоречит только вакханалия в сфере энергетики, забегание вперёд в решении вопросов, связанных с энергобезопасностью, связанных с обеспечением «зелёной» энергетики. Как можно было в течение многих, многих лет недофинансировать, препятствовать инвестициям в традиционную энергетику, не подготовив для этого перехода всё, что связано с «зелёной» энергетикой? Как это можно было сделать?

В значительной степени именно это лежит в основе сегодняшнего энергокризиса. Ведь западные политики просто болтают языком для того, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Пугают сначала рядовых граждан возможными климатическими изменениями, потом на базе этого страха начинают обещать то, что выполнить невозможно, получают голоса избирателей, приходят к власти, а потом – «бум».

Что сейчас происходит – возврат к угольной генерации, возврат к топочному мазуту? И что, наболтали языком, а результат-то какой? Дело не в России. Мы и газ готовы поставлять, мы и нефть готовы поставлять – что отказываетесь-то? У нас осталась после взрыва «Северных потоков» одна труба, работает, 27,5 миллиарда кубических метров мы можем прокачивать. Но они же не хотят – мы-то здесь при чём? Не хотят – не надо.

Что касается «зелёной» энергетики, повторяю, должно быть всё подготовлено своевременно. Системные меры, ограничивающие развитие традиционных видов энергии, привели как раз к этому серьёзному кризису. Финансирования нет, банки не дают кредитов – не только европейские, и в Штатах то же самое происходит. Почему там ограничено – банки не дают, не страхуют, землю не выделяют, транспорт не строят для нефте- и газопередачи этих продуктов, и это продолжается годами. Существенное недофинансирование отрасли привело к дефициту. Вот и всё.

Из стратегических запасов Штаты выделяют нефть – ну хорошо, но их же надо будет потом пополнять, эксперты рынка-то это понимают. Сегодня взяли и забрали из стратегических запасов, но завтра же надо будет закупать. Мы слышим: будем закупать тогда, когда цены упадут. Но они не падают. И чего? Здравсьте, приехали! Придётся покупать по высоким ценам, опять цены пошли вверх. Мы-то здесь при чём? Это системные ошибки в сфере энергетики тех, кто должен об этом думать и заниматься этим. Это первое.

Второе. По поводу Северной Кореи и того, что касается Тайваня. Тайвань, без всяких сомнений, неотъемлемая часть Китайской Народной Республики. Мы всегда придерживались этой позиции, и она у нас не меняется.

Все телодвижения провокационного характера, связанные с посещением Тайваня высшими должностными лицами Соединённых Штатов, воспринимаются у нас в России не иначе, как провокация. Зачем они это делают, я, честно говоря, не знаю.

Вы знаете, мы со многими здесь знакомы многие, многие годы и говорим на одном языке – давайте совсем уж так, по-семейному. Вот происходит то, что происходит: трагедия на Украине. Весь Запад на нас там обрушился, пытается развалить нашу экономику, оружие, боеприпасы миллиардами поставляет на Украину. Борются с Россией.

Но зачем надо в это же время портить отношения с Китаем? Они нормальные люди или нет? Кажется, это полностью противоречит здравому смыслу и логике. Зачем надо было тащиться этой бабушке в Тайвань, чтобы провоцировать Китай на какие-то ответные действия? В то время, когда они с Россией никак не могут урегулировать отношения из-за того, что происходит на Украине. Бред какой-то просто.

Кажется, что в этом есть какая-то тонкая, глубокая задумка. Я думаю, что нет там ни шиша, никакой тонкой задумки. Просто бред и всё, и самоуверенность. Вы понимаете, в чём дело? Самоуверенность и чувство безнаказанности – вот что лежит в основе подобных иррациональных действий.

Наша позиция понятна, я её изложил.

Теперь что касается ядерной проблемы Корейской Народно-Демократической Республики.

На мой взгляд, эта проблема тоже лежит – знаете в чём – в нежелании разговаривать, в абсолютно хамском отношении к интересам Северной Кореи, в том числе в сфере безопасности. Ведь практически обо всём договорились, был момент. Северокорейские лидеры согласились, по сути, с предложениями Соединённых Штатов, как урегулировать эту проблему, в том числе касающуюся ядерной составляющей.

Нет, в последний момент американская сторона изменила свою позицию и заставила, по сути, северокорейское руководство отказаться от достигнутых договорённостей. Штаты же это сделали – ввели там санкции дополнительно, начали что-то ограничивать в сфере финансов, банковской деятельности, хотя была договорённость этого не делать. Зачем? Тоже не очень понятно.

У нас, кстати, с Китайской Народной Республикой есть совместные предложения по поводу того, как нужно двигаться на пути разрешения этой проблемы. Эти предложения сформулированы в двух наших документах, это всем хорошо известно. Мы будем придерживаться согласованной позиции.

Кстати говоря, что касается вопросов гуманитарного характера и подобных вопросов, здесь тоже нужно понимать, в каком состоянии находится экономика Северной Кореи, каковы потребности рядовых граждан, и не закручивать гайки, а, исходя из гуманитарных соображений, решать определённые вопросы.

У нас очень хорошие отношения с Республикой Корея, и мы всегда имели возможность иметь диалог и с Республикой Корея, и с Корейской Народно-Демократической Республикой. Но сейчас нам известно, что Республика Корея приняла решение поставлять оружие и боеприпасы на Украину. Это будет разрушать наши отношения. А как бы Республика Корея отнеслась к тому, если мы возобновили бы сотрудничество с Северной Кореей по этому направлению? Вас бы это порадовало?

Я прошу обратить на это внимание.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, раз уж Вы сами сказали, что тут по-семейному, приоткройте завесу тогда нашему семейному кружку – много спекуляций было.

Вы когда в начале февраля были в Китае и встречались с Председателем Си, Вы его предупреждали о планах специальной...

В.Путин: Нет.

Ф.Лукьянов: А он потом не высказывал Вам обиду, что не поделились по-дружески?

В.Путин: Вы знаете, китайский лидер не такой человек, который высказывает обиды в отношении чего-либо. Он самодостаточный лидер мирового масштаба. А потом, у нас и нет такой необходимости в этом, мы принимаем суверенные решения: и Россия, и Китайская Народная Республика.

Поэтому в Китае прекрасно видят, что значит для России стремление Запада продвинуть инфраструктуру блока НАТО к нашим границам, объективно оценивают эти ситуации. Так же как и видят то, что происходило на Донбассе в последние восемь лет, прекрасно в состоянии оценить последствия и причины государственного переворота на Украине в 2014 году.

Конечно, Китайская Народная Республика, руководство Китая выступает за прагматичные, сбалансированные решения кризиса, который имеет место быть на Украине, мирным путём, и мы с уважением относимся к этой позиции.

Ф.Лукьянов: Тогда Нельсон Вонг, наверное.

Н.Вонг (как переведено): Благодарю Вас.

Меня зовут Нельсон Вонг, Шанхай, КНР. Для меня огромная честь находиться здесь, господин Президент.

В Вашем выступлении и Ваших замечаниях Вы упомянули, что основанный на правилах миропорядок очень часто использовался и по-прежнему используется Западом, хотя непонятно, откуда этот порядок возник. И нужно сказать, что этот вопрос довольно часто обсуждался на протяжении последних четырёх дней здесь в рамках наших дискуссий.

Господин Президент, мой вопрос заключается в следующем. Обращая взгляд в будущее, мы видим, что мы вступаем в эпоху, когда не будет никаких сверхдержав. Нужно сказать, что мы говорили в первый день наших обсуждений об этом. Поскольку единственная сверхдержава – США – теряют свой контроль, и мы вступаем в новую эпоху. Это не только начало конца сверхдержавного статуса США, более того, мы уже находимся в самом процессе этой потери.

На новом этапе, мне кажется, нам тоже потребуются определённые правила. Если мы хотим такие правила выработать, с Вашей точки зрения, господин Президент, какие правила были бы важнее всего? Понятное дело, что таких правил пока ещё нет, но в порядке гипотезы: какие принципы необходимо соблюдать, когда будут выработываться новые правила?

Спасибо.

В.Путин: Почему же таких правил нет? Они есть, они заложены в Устав Организации Объединённых Наций. И эти правила называются международное право. Нужно просто, чтобы все соблюдали и одинаково понимали эти правила. Отказываться от этих правил либо кардинальным образом их модернизировать можно только тогда, когда подготовлена база для развития отношений на каких-то других принципах.

Устав Организации Объединённых Наций зафиксировал сложившееся соотношение сил после Второй мировой войны. Конечно, мир капитальным образом меняется, изменился. Растут такие гиганты, как Китай, как Индия, как Индонезия, с большим количеством населения, в Африке такие огромные страны возникают, развиваются – по 200 миллионов человек население, в Латинской Америке.

Мир меняется. Конечно, нормы международного права должны следовать за этими изменениями и регулировать отношения между государствами в соответствии с тем балансом сил, который складывается в реальной жизни в мире. Но делать это надо спокойно, не спеша, по понятным принципам, а не кем-то выдуманным правилам.

Я же говорил во вступлении, да и кто читал эти правила? Говорят о каких-то правилах – каких правилах? Где они написаны, кто согласовывал? Чушь какая-то просто. Для идиотов, что ли, это всё говорится? На какую-то широкую публику людей, которые даже и читать как следует не умеют. Какие правила-то, кто с ними работал? Бредятина просто, и всё. Нет, это долдонят, как у нас в народе говорят, бесконечно. А против тех, кто их не соблюдает, будем вводить какие-то там ограничения и санкции.

С Китаем ведут торговую войну и так далее в связи с этим, указывают на то, что Китай должен делать в отдельных своих провинциях, регулировать, какие там должны быть отношения, соблюдение прав человека. Это инструменты в борьбе с Китайской Народной Республикой, причём инструменты недобросовестной конкуренции, вот это что такое. Боятся растущей мощи Китая, и из-за этого всё происходит: выскивают и права человека, и отдельные регионы Китая ставятся под раздачу решений текущих вопросов экономического и политического характера. Смысл только в этом:

борьба с Китаем как с растущим конкурентом, и придумываются всякие инструменты.

Что может лежать в основе – соблюдение интересов, открытость и общие правила, единообразно понимаемые и применяемые всеми участниками международного общения. Нужно вот этого баланса интересов достичь, восстановить этот баланс интересов и следовать этим нормам. Но делать это, мне кажется, нужно публично, а не закулисно, не в интересах одной страны либо группы стран, а в интересах всего международного сообщества.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, не уходя от Китая, и немножко к предыдущему вопросу по поводу «зелёной» энергетики и прочей. Понятно, что европейский энергетический рынок, видимо, в ближайшие годы закроется для нас совсем. Есть такая вероятность.

Мы готовы быстро-быстро построить инфраструктуру для азиатских рынков?

В.Путин: Вы знаете, мы же это делали не исходя из сегодняшней конъюнктуры, мы делали это давно. «Сила Сибири» же построена не в связи с событиями на Украине – она строилась потому, что мы отдавали себе отчёт в том, что потребности наших друзей в Китае в энергетике растут, а у нас есть возможности эти потребности удовлетворить.

Мы ведём переговоры и с Индией о различных способах доставки наших энергоресурсов на индийский рынок, с другими странами. Мы будем продолжать сжижение природного газа. Наше участие на мировых рынках СПГ пока скромным является, но растёт постоянно. Мы будем это делать дальше. Мы будем развивать это направление, повторяю, даже не в связи с ограничениями сегодняшнего дня, а потому что таковы тенденции развития мировой экономики.

Китайская экономика по паритету покупательной способности стала больше американской – это же факт, и потребности растут. Почему же нам, – тем более наши друзья, соседи, у нас замечательные отношения, общая граница, – что же нам туда не поставлять-то, так же как и в другие азиатские страны? Мы делали это и будем это делать.

Сейчас фактически мы уже договорились о новой системе через Монголию. И Монголия заинтересована, и Китай. Мы будем пускать наших друзей и партнёров в добычные наши ресурсы – почему нет-то – так, как мы это делали с европейцами, с американцами, но они предпочитают уходить с нашего рынка – флаг им в руки, пускай двигаются куда хотят, в любую сторону. Это для них хорошо или нет? Я думаю, что на самом деле плохо.

Уходят с потерями причём. Кто хочет – пускай заходит, мы открыты для сотрудничества, этот процесс будет продолжаться. Готовы мы к этому или нет – да мы давно к этому готовились, уже много лет, и будем продолжать этот процесс дальше. Я здесь не вижу вообще никаких непреодолимых препятствий, никаких вопросов, которые мы не смогли бы решить, всё будет решено.

А.Дзермант: Алексей Дзермант, Минск, Беларусь.

Прежде чем задам свой вопрос, Владимир Владимирович, хотел бы передать слова поддержки от многих, многих белорусов. Я часто встречаюсь с ними на дискуссионных площадках, где мы обсуждаем, в том числе Украину, события. Поэтому лично Вам и России, которая ведёт борьбу с нацизмом на Украине, самая горячая поддержка от граждан моей страны.

Вопрос я хотел бы задать следующий. В связи с тем, что Запад, по сути, строит самые настоящие стены, устраивает блокаду, санкционное давление на Республику Беларусь и на Россию, очень большое значение сейчас приобретает коридор «Север – Юг» в логистическом, в финансовом значении. Конечно, важно его сейчас наполнять конкретными проектами, которые включают и Россию, и Беларусь.

Но не кажется ли Вам, что с ростом развития Азии, Востока в целом нам нужно не только развивать материальную инфраструктуру, но и обратить внимание на культурно-гуманитарный аспект, чтобы у нас со странами Востока совпадали идеи, ценности, определённые взгляды на мир?

Спасибо.

В.Путин: Вы правы. Но мы так и делаем. И даже не потому, что кто-то строит стену со стороны Запада, а мы так всегда делаем.

Ведь, смотрите, основная часть населения России расположена в европейской части, но территория-то в значительной степени за Уральскими горами находится, поэтому Россия – евразийская страна, мы всегда это помним, никогда об этом не забывали. Мы традиционно развиваем отношения с азиатскими странами, ну а тем более сейчас, когда там наблюдается такой взрывной рост – не прямо сейчас, на протяжении нескольких лет уже.

Мы же это всё видим, поэтому мы в значительной степени переориентировали уже наше сотрудничество с азиатскими странами. Ну конечно, разве можно развивать экономические связи, не обращая внимание на гуманитарную составляющую? Но, в известной степени, Китай и Индия являются колыбелью мировых цивилизаций, мы всегда относимся к этому с огромным уважением, вниманием и интересом.

Интерес российской общественности к этим цивилизациям всегда был очень высоким. Кстати говоря, и школы по изучению Индии, Китая, культуры того и другого государства, народов этих государств, а это тоже многонациональные государства, у нас очень высокий уровень науки по этим направлениям, это всегда было традиционно для России, и мы будем это поддерживать в будущем.

Ф.Лукьянов: Дорогие коллеги, пошёл четвёртый час нашей работы. Я думаю, что мы и так уже злоупотребили временем Президента Российской Федерации. Один вопрос есть ещё какой-нибудь жгучий у кого-нибудь? Есть.

В.Путин: Прошу Вас.

П.Мтембу (как переведено): Спасибо. Пилани Мтембу из ЮАР, Институт глобального диалога.

Господин Президент, Вы сказали, что Запад не способен в одностороннем порядке руководить всем человечеством и что нам нужно построить симфонию человеческой цивилизации. Мне было бы интересно, чтобы Вы более подробно рассказали о своих мыслях, если мы хотим построить многополярный миропорядок, важность регионального сотрудничества как способа поддержания и строительства таких кирпичиков многополярности.

И ещё несколько слов с точки зрения российского взаимодействия с Африкой, в частности связанного с саммитом Россия – Африка.

Спасибо.

В.Путин: У нас очень добрые, традиционно хорошие отношения с Африкой в целом, в том числе и с Южно-Африканской Республикой ещё со времен, как Вы знаете, борьбы Африки за свою независимость, со времён борьбы с колониализмом. Эти абсолютно уникальные отношения сложились за те годы, когда Советский Союз, Россия поддерживала африканские государства в их борьбе за свою свободу.

И этот фундамент наших отношений, сложившийся в прежние десятилетия, конечно, должен быть использован в новых условиях для развития многосторонних отношений с африканскими государствами и сегодня, в том числе и с Южно-Африканской Республикой, которая является, как известно, очень активным и действенным нашим партнёром и в рамках БРИКС.

Мы дорожим этим, мы знаем возможности Южно-Африканской Республики. Мы знаем возможности и уверены в будущем Африканского континента и, безусловно, будем развивать наши отношения с африканскими странами – причём с теми, с которыми у нас сложились традиционные отношения на протяжении прежних десятилетий, и с теми, с которыми они складываются только сейчас.

Но что касается сути Вашего вопроса и первой его части. Я, в принципе, мне кажется, ответил – вряд ли смогу в коротком ответе детализировать свою позицию.

Нужно найти баланс интересов. Это невозможно сделать в условиях гегемонии или попытки сохранить гегемонию одной страны либо группы стран в отношении всего остального человечества. Этим гегемонам придётся считаться с этими законными требованиями подавляющего большинства участников международного общения – и не на словах, а на деле.

Ведь что происходит? На словах все за равенство, за поддержку африканских стран, скажем, и так далее. На словах всё звучит красиво, а на практике что происходит? Ведь какие инструменты используются сегодня, скажем, инструмент того же доллара либо других валют, скажем, евро. Что происходит в практической жизни? 5,9 триллиона долларов напечатали за последние два года и 2,9 триллиона евро напечатали. Куда делись эти деньги? Они пошли на скупку товаров на мировых рынках, и Соединённые Штаты из нетто-импортёра продовольствия стали покупать на мировых рынках продовольствия больше, чем продавать на мировые рынки, начали скупать продовольствие за счёт того, что печатный станок у них.

Вот к чему ведёт финансовая монополия – сразу возник дефицит. Мало того, что был неурожай в предыдущем году и пандемия, сокращение производства, денег напечатали в борьбе с пандемией, выбросили своему населению – началась скупка продовольствия, цены пошли вверх. А страдает кто? Прежде всего страны Африки и отчасти Латинской Америки, Азии. Кто-то об этом думает? Конечно, думают те, кто это делает. Плевать они хотели на эти последствия. Они решают свои интересы, не думая о тех последствиях, которые наступают для тех же африканских стран.

То же самое происходит по другой части продовольственного рынка, связанного с удобрениями. Послушайте, как это можно? Я уже говорил об этом, скажу ещё раз. Как можно было принять решение о том, чтобы снять ограничения и запреты на российские удобрения в Европе, а потом выпустить разъяснение, что эти ограничения сняты только для стран Евросоюза? Они что, совсем с ума сошли, что ли? Они же письменно выпустили это разъяснение. Как это можно себе представить? Но они же делают это без стеснения, без всего. Это что, соблюдение баланса интересов, что ли?

Вот мы уже много раз сказали: у нас 300 тысяч тонн удобрений арестовано, в европейских портах лежит. Наши компании бесплатно готовы отдать, но не отдают, в том числе в африканские страны. Меня некоторые лидеры африканских стран спросили, а где конкретно. Я просил помощников, чтобы они разослали, где и сколько находят – 300 тысяч тонн, это миллионы долларов.

Отдайте беднейшим странам, они нуждаются в этом. Нет, не отпускают. Это что, соблюдение баланса интересов? Хотите бороться с Россией – флаг вам в руки, боритесь. Не хотите, чтобы мы получали дополнительный доход, мы же бесплатно отдаём, дохода нет никакого. Отдайте развивающимся странам, ваши действия способствуют только тому, что цены растут. Зачем вы это делаете? Значит, заинтересованы в этом.

Это что, баланс интересов? Как добиться того, чтобы отношения были стабильными? Надо добиваться этого баланса, надо действовать в рамках тех норм, которые мы называем нормами международного права, надо их согласовывать и придерживаться, в том числе в финансовой сфере создавать независимые системы международных расчётов, о которых я говорил.

Вот я конкретный пример привёл, к чему ведёт бесконечная эмиссия, неограниченная эмиссия основных валют. Она же имеет практические последствия, в том числе и прежде всего для развивающихся стран.

Ещё раз хочу к этому вернуться: для того чтобы мир был стабильным, нужно добиваться этого баланса интересов.

Пожалуйста, здесь руку поднимали.

Ф.Лукьянов: Наталия Цайзер.

Д.Константакопулос (как переведено): Мистер Президент, два небольших вопроса.

В.Путин: Это на Наталию непохоже, конечно.

Д.Константакопулос: Как Вы думаете, пришло ли время для более глубокой интеграции на пространстве бывшего Советского Союза?

И второй вопрос. Какое Ваше послание обычным гражданам западных стран? Если бы перед Вами был гражданин Запада, что бы Вы ему сказали?

В.Путин: Во-первых, что касается интеграции.

Это вопрос очень тонкий. Здесь мы тоже должны добиваться именно того, о чём я говорил применительно ко всему миру, – нужно добиваться баланса интересов. Делать это нужно профессионально, без всякой спешки и последовательно. У нас есть определённые планы в рамках Евразийского экономического союза. Это касается снятия ограничений по важнейшим товарным группам для полного обеспечения свободного движения товаров, финансов, капиталов и рабочей силы.

Забегать вперёд не считаю целесообразным, так, как это было, скажем, в Евросоюзе, когда некоторые страны с определённым уровнем экономического развития попали в зону евро, а потом не знали, что с этим делать, потому что возникают проблемы, когда инструмент инфляции становится недоступным для регулирования ситуации внутри экономики. Я имею в виду известную ситуацию, допустим, с Грецией, да и с некоторыми другими странами.

Поэтому мы вперёд забегать не должны, но должны последовательно идти к реализации тех планов, которые намечены. Мы знаем, что мы должны в этом направлении делать, и будем это делать обязательно, учитывая интересы всех участников этого процесса.

Что касается нашего послания рядовым гражданам западных стран – и Соединённых Штатов, и Европы. Хочу сказать самое главное: боритесь за повышение заработной платы – это первое. Второе – не верьте тому, что Россия является вашим врагом или даже противником. Россия – ваш друг, и мы на протяжении десятилетий всё делали и готовы делать в будущем для того, чтобы укреплять наши отношения.

В этой связи сейчас мне в голову пришёл анекдот, который недавно рассказывал своим коллегам. Мне один приятель из Германии его рассказал недавно. Семья, сын спрашивает у папы: «Папа, почему так холодно?» А он говорит: «Потому что Россия напала на Украину». Ребёнок спрашивает: «А мы здесь при чём?» – «А мы ввели санкции против русских». – «Зачем?» – «Чтобы им было плохо». – «А мы что, русские?»

Я хочу сказать, что все проблемы, и это обращаясь к гражданам в данном случае европейских стран, да и Соединённых Штатов, – все проблемы, которые в этой связи возникают, не связаны с действиями России. Они связаны с системными ошибками вашего политического руководства, политического руководства ваших стран – и в сфере энергетики, и в сфере продовольствия, и в сфере монетарной политики, которая привела к небывалому росту инфляции и дефициту энергоресурсов. Россия здесь ни при чём, это результат системных ошибок руководства ваших стран. И нужно провести здравый анализ того, что происходит, и добиваться изменения экономической политики.

Что касается международной политики, то, конечно, это всегда решение суверенных государств, но оно должно быть, безусловно, основано на мнении избирателей, рядовых граждан той или иной страны. Но рядовые граждане должны знать – я закончу тем, с чего начал: Россия – не враг и никогда не имела никаких злобных намерений в отношении европейских государств и Соединённых Штатов.

И мы знаем, что у нас, у России, там очень много друзей. Будем строить свои отношения с так называемым коллективным Западом, опираясь именно на эту часть населения европейских стран и Соединённых Штатов.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, а призыв бороться за повышение заработной платы к гражданам России тоже относится?

В.Путин: Да.

Ф.Лукиянов: Прекрасно. Все услышали.

В.Путин: И должен вам сказать, что это один из принципиальных вопросов, которым должно заниматься Правительство, и профсоюзы это делают, делают несмотря ни на что, делают, несмотря ни на какие спецоперации.

Идёт сложный диалог в трёхсторонней комиссии между представителями работодателей, профсоюзами и Правительством. Этот диалог продолжается.

Мы видим, что номинальные доходы граждан растут, а реальные чуть-чуть всё-таки стали ниже. Имея в виду состояние российской экономики, мы можем решать эти проблемы и должны это делать. В соответствии с имеющимися планами у российского Правительства, надеюсь, что все задачи, которые мы в этом смысле и в этом ключе перед собой ставим, будут решены.

Там ещё кто-то хочет [задать вопрос].

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, Вы тут не командуйте, тут я команду. (Смех.)

В.Путин: Это гегемонизм называется.

Ф.Лукиянов: Что делать, ещё не преодолели.

Коллеги, я предлагаю блиц в конце. Наталия [Цайзер] обижена, и ещё там два вопроса, и на этом уже будем завершать.

В.Путин: Хорошо.

Ф.Лукьянов: Наталия.

Н.Цайзер: Владимир Владимирович, добрый вечер!

Наталия Цайзер, союз «Африканская деловая инициатива».

Я почти 15 лет занимаюсь развитием международных отношений и расширением контактов в сфере общественной дипломатии. Как человек, который строит мосты, мне важно всегда проецировать какие-то действия в будущем.

Очевидно, что мы стоим перед неким новым историческим этапом, и когда глава текущих событий будет закончена, появится необходимость формирования новых или иных институтов международного партнёрства. Причём речь идёт, наверное, не об определившихся странах, а в том числе о странах, которые в силу своего геополитического положения не могут открыто высказать свои намерения и позицию.

Владимир Владимирович, каким Вы видите новый институт международного партнёрства? Какой базис паритетов Россия готова предложить международному уровню? Какие механизмы, инструменты и лица необходимы для обретения новых союзников, партнёров, друзей не на декларативном, а на принципиально ответственном в своих договорённостях уровне? Считаете ли Вы, может быть, нам есть смысл менять какие-то или выстраивать иные подходы в рамках международного партнёрства будущего?

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, у Вас такой широкий вопрос, если его можно назвать вопросом, это как бы позиция.

Что я хотел бы сказать. Мне кажется, что я в целом уже ответил практически на то, что Вы сейчас спросили. Мы должны и можем делать упор на сотрудничество, прежде всего с теми странами, которые являются суверенными в принятии своих фундаментальных решений. Это первое.

Второе. Нужно добиваться консенсуса при принятии этих решений.

И, в-третьих, добиваться баланса интересов.

В рамках каких институтов? Это прежде всего, конечно, универсальные международные организации, и номер один здесь – Организация Объединённых Наций.

Ф.Лукьянов: Алан Фриман, пожалуйста.

А.Фриман (как переведено): Господин Президент, я приехал из Канады – страны НАТО. Будущий Премьер-министр, а точнее его дедушка, был бандеровцем. По всему миру слышно недовольство позицией НАТО, и существует много голосов в глобальном Юге. Эти голоса существуют и на Севере, и в коллективном Западе. Почему мы их не слышим? Потому что их подавляют.

Посмотрите на то, что произошло с Джулианом Ассанжем. СМИ, политические элиты, академические элиты ведут беспрецедентную кампанию, она расистская и русофобская, она запугивает людей, не даёт выразить полную меру несогласия с тем, что делают их правительства. Здесь Вы не видите полный масштаб оппозиции, которая существует в Европе, в Канаде, в Великобритании, здесь Вы его не видите.

Что мы можем сделать, чтобы построить отношения между теми, кто на коллективном Западе борется с тем, что делает их правительство, и теми, кто поддерживает то, что происходит на глобальном Юге и в России, для храбрых действий России на глобальной арене?

В.Путин: Мне кажется, что никто не должен ничем жертвовать из набора своих национальных интересов, нужно просто бороться за свои национальные интересы, и мы будем работать с вами в унисон.

Мы, конечно, не погружены в детали внутривнутриполитической борьбы в странах коллективного Запада, о чём Вы сказали. Мы не занимаемся – Вы знаете, наверное, лучше, чем я, – с какой-то практически на уровне спецслужб работой с оппозицией, как делает Запад в отношении нас и в отношении нашей оппозиции. Мы же знаем, там сотни миллионов, если не миллиарды долларов тратятся на поддержку оппозиции, причём по всем направлениям, разными каналами, уже чего только не придумывают, для того чтобы направлять в Россию финансовые ресурсы для этих целей. Не успеваем даже следить за этим. Но мы этого ничего не делаем.

Но мы рассчитываем на то – и я об этом много раз сегодня говорил, по моему, даже в своём выступлении, – что сама наша позиция по фундаментальным вопросам развития международных отношений и просто развития, развития обществ, является привлекательной для большого количества людей не только в мире в целом, но и в западных странах.

Я только что ведь об этом сказал. Мы знаем, что у нас там очень много сторонников. Опираясь именно на этих сторонников, будем строить отношения со странами так называемого коллективного Запада.

Со своей стороны могу только пожелать Вам успехов в борьбе за Ваши национальные интересы. Этого будет достаточно для того, чтобы сложились добрые отношения с Россией.

(Обращаясь к Ф.Лукиянову.)

Всё-таки давайте последнее слово будет за мной.

Я попрошу поднять руку любого из присутствующих и отвечу на Ваш вопрос.

Да. Пожалуйста.

Ф.Лукиянов: Габор Штир.

Г.Штир: Добрый день господин Президент!

В начале разговора Вы говорили о том, какие цели были, как Вы оценивали ситуацию, и мой вопрос следующий: 24 февраля Вы думали о том, что через восемь месяцев СВО будет продолжаться? И не только продолжается, но и обостряется ситуация. Кроме этого в мире уже многие опасаются начала Третьей мировой войны.

Отсюда вопрос. Один из моих любимых городов в постсоветском пространстве – это Одесса. Как Вы думаете, дайте мне совет: если я хотел бы туда поехать следующим летом или через два года...

В.Путин: Не тяните, поезжайте как можно быстрее. Шутка. Шучу.

Г.Штир: Через два года тогда я должен спросить российскую или украинскую визу?

В.Путин: Вы знаете, Одесса – действительно один из красивейших городов мира. Как известно, Одесса была основана Екатериной II, и даже крайние националисты, по-моему, не решаются снести памятник основательнице города.

Одесса может быть и яблоком раздора, и символом разрешения конфликтов, и символом нахождения какого-то решения всего, что сейчас происходит. Вопрос не в нас. Мы же много раз сказали, что мы готовы к переговорам, и я недавно, выступая в Кремле, публично ещё раз об этом упомянул. Но руководители киевского режима приняли решение не продолжать переговоры с Российской Федерацией. Те, кто – а таких немало... Правда, решающее слово за теми, кто реализует эту политику в Вашингтоне.

Очень просто решить эту проблему: дать соответствующий сигнал в Киев, что они должны поменять свою позицию и стремиться к тому, чтобы решать эти проблемы мирным путём. Вот и всё.

А что касается Вашей возможной поездки в Одессу, то, если без всяких шуточек, я Вам рекомендую это сделать. Это действительно очень хороший, красивый город с замечательными традициями, историей. Это стоит того, чтобы на него полюбоваться.

Правда, в последние годы, во всяком случае, тогда, когда я был в Одессе, она произвела на меня не самое лучшее впечатление, потому что явно коммунальное хозяйство было в упадке, это было видно даже по фасадам зданий, хотя в центре вроде ничего пока ещё, сохранялось, чуть в сторону – там уже всё выглядело не так презентабельно. Но Одесса стоит того, чтобы на неё посмотреть.

Давайте завершающий. Пожалуйста.

Ф.Лукиянов: Тогда Карлос Рон, всё-таки Венесуэла, как без неё.

В.Путин: Венесуэла?

Ф.Лукиянов: Да.

В.Путин: Хотелось бы, чтобы российские закончили. Ну давайте.

К.Рон (как переведено): Господин Президент, привет от Венесуэлы, от Вашего друга господина Президента Николаса Мадуро.

В настоящий момент около 30 процентов стран мира находится под какими-то незаконными санкциями со стороны США. Вы сказали о важности защиты принципов, которые закреплены в Уставе ООН. В прошлом месяце Группа друзей в защиту Устава ООН собралась в Нью-Йорке, и один из вопросов, который был поднят на встрече, заключался в следующем: каким образом внести вклад в создание зоны, свободной от незаконных санкций, где можно было бы вести бизнес, дела, не опасаясь таких санкций?

Как Вы считаете, что Россия могла бы сделать для того, чтобы создать такое пространство? И как, Вы считаете, это могло бы произойти? Может быть, у Вас есть ещё какое-то послание для народа Венесуэлы.

В.Путин: Россия, противодействуя тем санкциям, которые были введены в отношении неё, она и создаёт, собственно говоря, в известном смысле пространство свободы для того, чтобы можно было не бояться санкционного

давления и свободно развивать экономические связи между самыми разными регионами мира и самыми разными странами.

Здесь не нужно каких-то специальных решений. Просто сам пример того, что происходит, мне кажется, является показательным. Сейчас коллега спрашивал, какие мы готовы послать сигналы гражданам европейских, вообще западных стран. Я об этом сказал, но сказал также об ошибках, которые были допущены политическим руководством западных стран в сфере глобальной экономики, финансовой, энергетической, продовольственной сфере.

Вот одно из подтверждений. Против Венесуэлы ввели санкции. Она же один из самых крупных производителей нефти была до недавнего времени. Против Ирана ввели санкции, против России ввели санкции. Сейчас угрожают санкциями Саудовской Аравии. Хотят ввести ограничение по ценам на российскую нефть и газ. Ну на каждом шагу совершают ошибку, которая ведёт к тяжелейшим последствиям для самих стран, которые вводят эти санкции. Это просто один из примеров. А потом ищут виноватых. Сами всё своими руками делают, а потом ищут виноватых.

Тем не менее Венесуэла развивается. Есть большие проблемы, мы знаем об этом, но Венесуэла их преодолевает.

В отношении России ввели эти санкции, ожидали полного обвала российской экономики, здесь уже в начале нашей встречи сегодня мы об этом говорили. Но этого блицкрига против российской экономики не состоялось.

Что происходит? Вот смотрите: инфляция у нас по году будет 12 процентов примерно, и она имеет тенденцию к понижению. В I квартале следующего года, по оценкам наших экспертов, она будет где-то в районе 5 процентов. В странах Евросоюза с развитой экономикой – 17 (вот в Нидерландах), а в некоторых – 21–23 [процента], в два раза больше, чем у нас.

Безработица – 3,8 процента. Она меньше стала, безработица, чем в допандемийный период – была 4,7. Дефицит бюджета у нас в следующем году – 2 процента, потом – 1,4, а ещё через год – 0,7 процента. Практически во всех странах еврозоны он выше. Государственный долг принципиально ниже, чем в еврозоне, либо в Штатах, либо в Британии.

Спад экономики у нас будет в этом году – примерно где-то 2,8–2,9 процента. Будет. Но промышленное производство, обработка – примерно на прежнем уровне остаётся. Стройка, строительный сектор вырос более чем на 5 процентов – 5,1 процента – за восемь месяцев текущего года. Сельское хозяйство выросло в два раза, и тенденция нарастает.

У нас увеличивается объём кредитования и корпоративного сектора, и сектора потребления. Пошёл рост кредитования. Да, мы видели некоторые вопросы, связанные с оттоком денежной массы из банков, связано с известными событиями. Деньги начали возвращаться назад, и правильно граждане делают, потому что, чем держать под подушкой, терять деньги на инфляции, лучше иметь хоть какой-то процент в банке, это совершенно очевидно. Устойчивость банковской системы у нас надёжна, высокая устойчивость банковской системы. Повторяю, кредитование растёт.

Вы меня спросили: а что Россия может сделать для того, чтобы создавать условия, для того, чтобы жить вне зависимости от этих санкций и устойчиво развиваться? Мне кажется, пример неплохой, и нужно объединять усилия всех, кто в этом заинтересован, добиваться этого согласия и баланса интереса, о котором я уже много раз сказал. И тогда, без всяких сомнений, успех будет обеспечен.

Давайте здесь закончим.

Ф.Лукьянов: Ну наконец-то.

Владимир Владимирович, я начал с того, что мы с большим нетерпением Вас ждали. Мне кажется, что мы уйдём крайне удовлетворённые и будем размышлять долго. Мне, сидя здесь, трудно [оценить] – конечно, впечатления могут быть разными, но, мне кажется, это одна из наиболее удачных наших дискуссий с точки зрения и покрытия тем, и общей атмосферы.

Спасибо Вам огромное, и мы очень рассчитываем, уже начинаем с нетерпением ждать Вас через год.

В.Путин: Ладно.

Я хочу выразить слова благодарности нашему модератору, ведущему. И конечно, вас всех поблагодарить за интерес, с которым вы относитесь к отношениям с Россией, я имею в виду прежде всего, конечно, наших иностранных гостей.

Всем экспертам Валдайского клуба хочу сказать слова благодарности за то, что вы работаете на этой площадке, и, безусловно, вносите заметный, существенный вклад в те мозговые штурмы, которые так нужны, в том числе и для принятия решения на практическом уровне.

Благодарю вас. Всего хорошего.